

Та ночь,
когда звёзды сошлись

Нати Смольникова

Нати Смольникова

**Та Ночь, Когда Звезды
Сошлись 2 части**

«Литнет»

2025

Смольникова Н.

Та Ночь, Когда Звезды Сошлись 2 части / Н. Смольникова —
«Литнет», 2025

Когда жизнь даёт сокрушительную трещину, грозящую обернуться пропастью, мудрее всего отползти от края. Что я и сделала! Решила: к чёрту всё! В новогоднюю кутерьму оставляю свое прошлое и начинаю с чистого листа... Дорогой читатель, позвольте увлечь вас в калейдоскоп судеб, где переплетаются трепетные истории любви, горькие отголоски личных трагедий и пронзительные вздохи женской драмы. И пусть ваш отклик засияет яркой звездой "Нравится"!♥#

© Смольникова Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	22
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	31
ГЛАВА 9	36
ГЛАВА 10	40
ГЛАВА 11	43
ГЛАВА 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ПРОЛОГ

Полоса бывает разная, чёрная и белая.
А жизнь всегда прекрасная, если она цельная!
Ты важное загадывай и к главному стремись.
Усилия прикладывай, но жить не торопись!

И вдруг однажды сложатся все звёзды по судьбе,
А тот, о ком мечтаешь ты, сам ввалится к тебе.
И будет он заснеженный, а может, обожжённый.
В поступках своих взвешенный, тобою вдохновлённый.

Его ты не отталкивай и счастье береги.
В пыли дороги жизненной, на сумрачном пути.
А веры луч пробьётся сквозь тьму и облака.
Любовь сама приходит, она не ждёт пинка.

И ночью новогодней появится звезда!
Раздоры, перепутья... развеет навсегда.
Перед тобой откроется дорога и мечта,
А прошлое забудется, как талая вода.

ГЛАВА 1

Много лет я пребывала в блаженной уверенности, что моя жизнь – просто апофеоз совершенства. Любимая, высокооплачиваемая работа. Муж – само воплощение добродетели: ни пьет, ни бьет, идеальный семьянин. Ну прямо ходячий памятник образцовости!

Но эта идиллия, разумеется, рухнула в одночасье, как картонный домик, когда на горизонте нарисовалась молодая девица с животом, округлившимся от «счастья» с моим благоверным Лешенькой. Оказалось, что я, видите ли, стою на пути у их всепоглощающей любви.

Ну, я, конечно, тут же устроила мужу показательную выволочку, в процессе которой выяснилось, что наша любовь давно уже превратилась в угрюмую пустыню, а второе дыхание так и не соизволило открыться. Бедняга, видите ли, жаждал наследника, продолжателя рода, а я, эгоистичная тридцатилетняя особа, все никак не могла осчастливить его потомством.

Что ж, я с пониманием отнеслась к его мукам и, дабы не препятствовать его генетическому долгу, подала на развод. Расстались мы, разумеется, как цивилизованные люди, мирно поделив нажитое непосильным трудом.

И вот теперь я мчусь по ночной трассе в сторону сияющего зимнего Сочи, в заранее снятый скромный домик на все новогодние праздники. Мне был необходим побег из этой удушливой Москвы, где каждый переулочек, каждая лавочка вопиют о моей былой счастливой жизни с ним. Эти ледовые катки – все на тех же местах, где мы когда-то радостно скользили, держась за руки (или, скорее, он держал меня, чтобы я не упала). Городские елки – все там же, что и всегда, и друзья... наши общие, такие понимающие друзья, которые всем сердцем сочувствуют, конечно, МНЕ, но при этом с трогательной заботой оправдывают ЕГО. И каждый из них, разумеется, считает своим долгом хоть как-то скрасить мою тоску в эти волшебные новогодние дни. Ну, что ж, благодарю за заботу.

До скрежета зубов хотелось сменить не просто город, а саму жизнь! Именно поэтому я и поддалась на безумную авантюру, предложенную моей подругой Светкой. Она, героически воспитывающая троих наследников своего мужа, вдруг выдала такой спич, что я чуть не подавилась чаем! Она, оказывается, готова на все – буквально на ВСЕ! – чтобы вырваться на свободу хотя бы на новогодние каникулы. Да уж, после того, как ее благоверный, прилично подогретый градусом, триумфально ворвался в квартиру, а мы вдвоем тащили это «богатство» до кровати, попутно снимая ботинки и куртку, я поняла: Света права на все сто!

И вот я мчусь на встречу своей свободе. Сняла уютный домик в двух шагах от горнолыжного курорта, чтобы отдохнуть от всего этого балагана, от души накататься на лыжах и, главное, забыться!

Баранка послушно отзывается на мои команды, пожирая километры ночной трассы. В магнитоле гремит что-то бодрое и жизнеутверждающее, подпеваю в унисон, выплескивая всю накопившуюся за последнее время тоску и обиду. На соседнем кресле лежит новенькое свидетельство о расторжении брака, вместо мужа. А за окном мелькают огни попутных машин, словно приветствуя меня на пути к новой жизни.

Сочи, встречай! Я еду к тебе, чтобы перезагрузиться, как старый компьютер, зависший от переизбытка информации. Еду, чтобы вдохнуть полной грудью свежий горный воздух, пропахший хвоей и свободой. Чтобы выдохнуть все разочарования и обиды, оставив их позади, в уходящем году.

И плевать, что я катаюсь на лыжах как корова на льду! Зато с каким энтузиазмом! Каждое падение – это повод для смеха, а каждый подъем – маленькая победа над собой. Ведь главное – не результат, а процесс! И я намерена наслаждаться каждой минутой этого процесса.

Вечерами, после насыщенного дня, буду сидеть у камина с бокалом глинтвейна, читать интересную книжку и строить планы на будущее. А может, даже заведу курортный роман!

Почему бы и нет? В конце концов, я свободна, молода и полна энергии. И кто знает, может, именно здесь, в этом солнечном городе, меня ждет настоящая любовь.

Так что, Лешенька, живи и радуйся со своей продолжательницей рода! А я отправляюсь навстречу приключениям! И пусть весь мир подождет!

Дорогие мои, примите этот дивный рассказ как мой новогодний подарок. Пусть он согреет ваши души в зимнюю стужу. И не забудьте о ваших лучистых звездочках, что расцветают на наших книгах!

ГЛАВА 2

«Бух, бух...» - недовольно проворчала моя машина. Оторвавшись от роящихся мыслей, я бросила взгляд на предательски мигающий значок бензобака, осознавая надвигающуюся катастрофу.

Судорожно всматриваясь в трассу в поисках спасительной АЗС или хотя бы указателя, заметила силуэт населенного пункта. Резко свернув, я понадеялась, что в этой богом забытой деревушке обязательно найдется заправочная станция.

Ночная мгла меня не пугала, а вот взбесившаяся метель отнюдь не добавляла оптимизма. «Буб... бух,» - прохрипела машина и замерла, словно обидевшись, на самом въезде в какой-то зажиточный поселок.

– Только не это... – прошептала я, осознавая всю оглушительность ситуации.

Оглядевшись, я поняла: дальше - пешком. Но как донести бензин, если нет канистры? Что ж, ладонями не наносишься! С трудом натянув на голову шапку и запахнув шубку, я выбралась из машины и двинулась вглубь поселка. Снег и ветер закрывали виды, но сквозь метель я всматривалась в окружающее меня пространство.

Дома на окраине радовали глаз, подтверждая мою догадку: передо мной элитный коттеджный поселок. В окнах каждого дома горел теплый свет, а улица была ярко освещена. Не скажу, что я, как жительница столицы, смотрела свысока на все, что находится за пределами МКАД. Но эти дома пробудили в моей памяти трогательные воспоминания о детстве: наряженная елка, снежинки на окнах, предвкушение подарков...

И вот я стою, продрогшая до костей, продуваемая метелью, посреди этой новогодней идиллии, утопая в искрящемся снегу. Дома, словно сошедшие с рождественских открыток, источают уютный свет, и морозный воздух пропитан ароматом мандаринов и хвойной смолы. Ожившая сказка! Но восторги не могли заглушить предательский зуд моего бензинового голода. Где же ты, спасительная канистра? Бутылка? Что-нибудь! Неужели придется просить милостыню у этих благополучных обывателей? Хотя... чем черт не шутит!

Решив, что терять мне, в сущности, нечего, я решительно направилась к ближайшему дому, из чьих окон лился самый яркий свет. Значит, там кто-то есть. Набрав полную грудь морозного воздуха, я нажала на кнопку звонка. За дверью тотчас отозвались шаги, и сердце бешено заколотилось в предвкушении. Кто откроет? Добродушный Дедушка Мороз? Уютная хозяйка в плюшевом халате? Или... Накачанный мачо, способный в два счета вызволить меня из бензинового плена? Интрига нарастала...

Дверь распахнулась, и на пороге возник огромный лохматый пес! Он приветливо завилял хвостом и разразился звонким лаем, словно с порога приглашая: «Добро пожаловать в нашу скромную обитель!» Следом за псом показался... дедушка. Только вот дедушка был высоким, широкоплечим, и с ироничной усмешкой, играющей в уголках его губ.

– Ну, здравствуй, Снегурочка! – весело произнес он, окинув меня оценивающим взглядом, от которого по спине пробежали мурашки.

«Похоже, я ошиблась адресом!» – панически пронеслось в голове.

– Здравствуйте... – выдавила, чувствуя, как предательский румянец заливает щеки. – У меня тут небольшая... кхм... проблемка с бензином. Точнее, с полным его отсутствием. Не найдется ли у вас чего-нибудь, чем можно накормить мою железную коняшку, чтобы она снова помчала меня навстречу приключениям? – взволнованно выпалила я.

В его глазах, казалось, вспыхнул озорной огонек.

– Приключения, говоришь? А я, знаешь ли, их большой ценитель! Проходи, не стесняйся. Посмотрим, чем могу быть полезен.

И вот, благодаря роковой случайности и моей бензиновой оплошности, я оказалась на пороге дома незнакомца, явно готового к любым неожиданностям. Что ж, Сочи, жди меня!

– Вы знаете, мне бы бензина... Я заплачу! – попыталась я напомнить о цели своего визита.

– Конечно, конечно... Но для начала нужно понять, чем я смогу помочь... – уклончиво ответил он. – Метель разыгралась не на шутку. Входи в дом, Снегурочка, не стой на пороге.

Внутри дом оказался еще уютнее, чем можно было предположить. Камин, потрескивая, согревал комнату, елка мерцала разноцветными огоньками, а в воздухе плыл головокружительный аромат жареного мяса. На столе красовалась открытая бутылка шампанского и два пустых фужера. Идиллическая новогодняя картина, в которой, вместо добродушного Санты, возвышался широкоплечий незнакомец с ироничной ухмылкой. Он ловко наполнил бокалы искрящимся напитком и протянул один мне.

– Нет, нет... я же за рулем, – тут же запротестовала я.

– От этого ничего не будет. Ну что, рассказывай свою историю, Снегурочка. Как тебя угораздило заплутать в наших глухих краях? – спросил он, удобно устраиваясь в кресле.

Пес примостился у его ног, преданно глядя на хозяина. В его пронзительном взгляде читалось то ли сочувствие, то ли легкая насмешка над моей бензиновой неудачей. Я рассказала о спешке, о предательском значке бензобака, о бешеной метели и о внезапной остановке на самом краю этого затерянного поселка. Дед слушал, не перебивая, с усмешкой в уголках губ.

– Вижу, ты, девонька, отчаянная. Приключений не боишься! – промолвил он, чуть приподнимая бокал с игристым.

– А то! – отозвалась я, с вызовом вскинув подбородок. – Так что, если у вас в закромах найдется литров десять бензина, буду безмерно признательна! – добавила я, чувствуя, как румянец заливает щеки.

Шампанское искрилось в бокале, словно рой маленьких фей, а его взгляд стал еще ярче.

– За твои дерзкие приключения, да сойдутся звезды! – провозгласил он, и наши бокалы встретились в звонком приветствии, будто давая старт неожиданной новогодней авантюре.

– Обязательно сойдутся! Пусть новогодняя ночь станет началом новой, головокружительной жизни! – подхватила я и залпом осушила свой бокал.

В гараже оказалось целое царство покорителей бездорожья: от снегоходов до квадроциклов, а среди этой мощи скромно примостилась огромная бочка с вожденным бензином.

– Да вы настоящий Дед Мороз, только вместо посоха – бензоколонка! – воскликнула я, с трудом сдерживая смех.

– И посох имеется, только тебе сейчас не до него, – хитро подмигнул дед.

Обратно к моей машине мы ехали в молчании, нарушаемом лишь мерным хрустом снега под колесами его внедорожника. Когда он принялся заливать бензин в бак моей железной коняшки, я не удержалась и разразилась потоком благодарностей.

– Эй, Снегурочка, полегче! – рассмеялся он. – Самое интересное только начинается!

Бак наполнен, мотор заурчал, и я снова была готова к дороге. Но перед тем, как попрощаться, он протянул мне небольшую коробочку.

– Открой, девонька, ровно в полночь, в новогоднюю ночь, – подмигнул он.

Я благодарно кивнула и нырнула в салон. Нажала на газ, оставляя позади гостеприимного незнакомца и его уютный поселок, укрытый снежным одеялом леса. Метель завывала, а машина рванула вперед, унося меня в снежную даль, навстречу приключениям! Коробочка таинственно лежала на переднем сиденье, рядом со свидетельством о расторжении брака.

Трасса, усыпанная бриллиантовой крошкой, казалась бесконечной, но меня это не пугало. В душе пылал огонь авантюризма, а ноги сами давили на газ. Сочи, держись, я лечу к тебе на всех парах! И пусть метель беснуется за окном, пусть стрелки часов неумолимо приближают конец года – ничто не остановит меня на пути к заветной мечте!

ГЛАВА 3

И вот, преодолев последние двести километров, я въехала в горнолыжный поселок, где меня ждал арендованный домик. До Нового года оставалось всего ничего – тройка часов. Навигатор быстро вывел к нужному адресу, и я, как и обещали владельцы этого скромного шале на самой окраине деревушки, нашла ключ под ковриком.

Переступив порог, включила свет и замерла, очарованная красотой каменных стен и деревянной лестницы, стремящейся на мансарду. А в гостиной, словно драгоценность, сияла наряженная елка. Зажгла гирлянды и застыла, оглушенная красотой и внезапно нахлынувшим одиночеством.

– Сама хотела уединения! Получай! – прошептала я в пустоту дома.

Выгрузила из машины припасенные продукты. Тяжелые пакеты с едой на целую неделю разобрала по шкафам и полкам холодильника, а в духовку отправила гуся с яблоками. Подготовила легкие салаты, закуски.

И вот, ровно за пятнадцать минут до боя курантов, я сидела в джинсах и легком свитере за новогодним столом, накрытом лишь для меня одной. По телевизору президент поздравлял страну с успешным прошлым годом и предвкусывал еще более блистательное будущее, а я подняла бокал и, чокнувшись с экраном, закрыла глаза, тихо повторяя слова того странного дедушки:

– За мои дерзкие приключения, да сойдутся звезды!

Шампанское в телевизионном шоу лилось рекой, серпантин искрился всеми цветами радуги, а в моем сердце теплился крохотный огонек детской веры в чудо. Удары курантов возвестили о начале нового года! Двенадцать ударов, словно отсчет новой главы моей жизни. С замиранием сердца открыла небольшую коробочку от таинственного незнакомца. Внутри лежал комочек льда, который тут же начал таять в моих руках! Но это был не просто кусок льда, а лед с гравировкой: «Начало чудес – в тебе».

– Ну конечно! – скептически буркнула я. – Только мне в мои тридцать и верить в сказки.

Распахнув заднюю дверь, решила принести дров для камина. Накинула местную овечью безрукавку, натянула угги и шагнула в объятия снежной ночи, чтобы тут же замереть. В тусклом свете луны и звезд кто-то копошился у бани.

– Кто здесь? – прошептала я.

Тень вздрогнула, видимо ошарашенная неожиданностью моего вопроса. Сердце бешено заколотилось, а внутри поднялась волна леденящего страха – я совсем одна в этом затерянном доме на границе с лесом. Инстинктивно схватив ближайшее полено, я замерла, словно дикая кошка, готовая к обороне. И вдруг из тени вышел человек. Высокий, одетый во все черное, он медленно поднял руки в знак того, что не представляет опасности.

– Прости, не хотел напугать, – его глубокий голос эхом прокатился по морозному воздуху, прерываемый грохотом новогодних фейерверков и криков людей на улице. – Просто проверял территорию.

Он подошел ближе, и лунный свет коснулся его лица. У него были красивые, мужественные черты лица и глубокий взгляд с тенью усталости в глазах. Незнакомец слегка улыбнулся, и мое напряжение медленно отступило.

– С Новым годом! – произнес он, протягивая руку. – Надеюсь, я не испортил тебе праздник.

Я облегченно выдохнула, отбросив полено, и протянула руку ему в ответ. В тот же миг он обрушился на меня всей своей обессиленной тяжестью, проваливаясь в беспамятство. Меня повело, мир качнулся, грозя обрушить меня вместе с ним в снежную бездну. Из последних сил я удержала равновесие, цепляясь за неустойчивую реальность и захлебываясь в панике.

– Эй, вы живы там вообще?! – крикнула я, чувствуя ледяные пальцы страха, скользнувшие по позвоночнику.

Он не ответил, лишь прошелестел слабый стон. Кожа под моими пальцами была обжигающе холодной и влажной, дыхание прерывистым. Нужно было немедленно затащить его внутрь, иначе смерть от холода станет его злым новогодним подарком. Не раздумывая, остервенело ухватила его под плечи и потащила к свету, к теплу, к спасению. Ноги подкашивались под непосильной ношей, силы иссякали, но мысль о том, что жизнь вот-вот угаснет на моем пороге, вливала в меня новую, отчаянную энергию.

И вот, наконец, мы внутри, в спасительном коконе тепла дома, точнее гостевой комнаты на первом этаже. Незнакомый мужчина тяжело дышит, его веки трепещут, как крылья раненой птицы. Напряжение во мне лопнуло, как перетянутая струна, оставив после себя лишь гулкую пустоту растерянности.

– Вы... как? – прошептала я, помогая ему сесть на кровать. – Что вообще произошло?

Он молча смотрит на меня, неуверенно потирает подбородок, видимо ища потерянные слова.

– Не предусмотрел... вырубил... – хрипло выдохнул он, обводя комнату мутным взглядом. – Видимо... заблудился.

Багровое пятно, расплзающееся по его бедру сквозь ткань джинсов, приковало мой взгляд. Он заметил это, на мгновение прикрыл глаза, и тишина обрушилась между нами, запирая каждого в лабиринте собственных мыслей. Впервые за долгое время я ощутила странное, обволакивающее тепло от присутствия другого человека в этой нелепой, почти абсурдной ситуации.

– Давайте я сначала осмотрю вас и согрею. Вы совсем замерзли, – предложила я, доставая из шкафа старый, выцветший плед. – А потом... потом постараемся понять, что с вами делать.

Я принесла аптечку, избегая смотреть в его лицо, на котором застыло отчаяние, и осторожно начала обрабатывать рану. Он лишь судорожно вздыхал сквозь стиснутые зубы, но не отстранился, словно веряя мне свою уязвимость. Едкий спирт обжигал кожу, но я старалась быть максимально аккуратной.

Закончив перевязку, предложила ему теплый чай с медом. Он жадно припал к кружке, согревая озябшие руки. Я уселась напротив, невольно разглядывая этого незнакомца, внезапно свалившегося на мою голову в новогоднюю ночь. Ему было около тридцати, может, тридцати пяти лет. Блондин с короткой стрижкой и кожей тронутой загаром, что совсем не вязалось с декабрьским пейзажем средней полосы России. Если только он не завсегдатай солярия или не гость из теплых стран. Его одежда, дорогая и качественная, говорила сама за себя. В нем не было ничего особенного... и все же мне казалось, что мы уже встречались.

Тишину, нависшую над нами, нарушало лишь мерное потрескивание дров в камине гостиной. Он допил чай и поднял на меня долгий, пронизывающий взгляд. В глубине этих глаз, обрамленных тенями усталости, мерцала не только боль, но и зачатки странного, настороженного интереса.

– Спасибо, малышка, – едва слышно прошептал он.

– Не стоит благодарности, – ответила я, чувствуя, как внутри начинает разрастаться ледяной цветок тревоги. – Но что случилось? Кто вас ранил? И почему вы бродили по лесу в новогоднюю ночь? Вы ведь пришли со стороны леса...

Он замялся, словно пытаясь собрать воедино рассыпавшиеся осколки правды. Затем глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Я чувствовала, он что-то недоговаривает, намеренно избегая неудобных вопросов.

– У тебя есть что-нибудь выпить? Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. А мне что-то совсем не улыбается всю праздничную ночь лечиться, пить чай и толковать о том, как эти твари промазали, пытаясь меня прикончить, – выпалил мой незванный гость.

Я слушала его затаив дыхание, и чувствовала, как хрупкий мир вокруг меня трещит по швам под напором этой жестокой реальности, разрушая в пыль мои мечты о тихом, уединенном счастье.

– У меня есть шампанское, виски и сок. Может, поужинаете? – растерянно пролепетала я. Почему-то мне совершенно не хотелось ему перечить. Подспудно я чувствовала, что знаю его, видела где-то... но где? Никак не могла вспомнить. – У меня есть гусь с яблоками, салат из кальмаров и много разных закусок, включая классические бутерброды с красной икрой.

– Замечательно. Подкрепиться сейчас – самое оно. Честно сказать, я зверски голоден, – ответил он, расплывшись в широкой улыбке.

И тут меня словно током пробило. Александр Морозов-младший, сын олигарха, уважаемого клиента нашего рекламного агентства, в котором я, между прочим, работаю бухгалтером и потому вынуждена посещать все эти званые вечера. А его лицо часто блистало на обложках столичных новостей, и всегда на разных торжествах.

Переместившись в гостиную, к столу, я с нарочитой небрежностью предложила ему самому выбрать место и угощение, чувствуя себя здесь скорее гостьей, нежели хозяйкой. От одного взгляда на еду суровые линии мужского лица смягчились, словно его тревога, цепкими когтями впившаяся в душу, начала отступать.

Говорил он тихо. Смотрел на меня внимательно, казалось, ловя каждое мое движение, а я чуть приглушила бормотание телевизора. Время ускользало незаметно, пока он ел, и мы беседовали обо всем на свете – о страсти к путешествиям, несбывшихся мечтах, о волшебстве, которым дышит приближающийся Новый год. Впервые за долгие месяцы меня накрыло ощущением подлинного единения, давно забытые волны счастья и умиротворения омыли душу.

– Знаешь, порой именно нелепые случайности приводят нас туда, где нам предназначено быть, – проронил он задумчиво, вглядываясь в пляску елочных огоньков. – Может, сама судьба забросила меня сюда в этот вечер?

Гирлянда искрилась на елке, телевизор транслировал новогоднюю кутерьму, а мужчина напротив, словно искусный сказитель, плел кружево шуточных историй. И на миг, всего лишь на миг, я выпала из реальности, где меня терзали мысли о разводе, о разбитой жизни, о том, что тридцать – это приговор одиночества.

– И все-таки, давай знакомиться, спасительница. Меня зовут Александр. Тебе можно просто Сашка, – произнес он, вставая передо мной и протягивая руку. – Разреши пригласить на танец!

– Лиза, – скромно ответила я и поднялась, принимая его приглашение.

Не знаю, какое наваждение снизошло на меня, но я согласилась. Его рука осторожно легла на мою талию, другая, теплая и уверенная, сжала мою ладонь. Мы двигались в такт мелодии, словно этот танец был вписан в нашу память с рождения.

В его глазах, как в зеркале, отражались пляшущие огоньки елки и – я не могла обмануть себя – зарождающийся мужской интерес. Мое сердце отбивало бешеный ритм, откликаясь на каждое его движение, на каждый мимолетный взгляд. Но я знала, чувствовала нутром: будущего у этой сказки не может быть. Просто шальная, безумная новогодняя ночь, случайно связавшая нас в одной точке пространства.

После танца мы вернулись к столу, и он наполнил наши бокалы игристым шампанским.

– За судьбоносные встречи! – провозгласил он, поднимая бокал.

Я чокнулась с ним, и глоток шампанского приятно покалывал язык, а тепло его мужского взгляда тревожило мою душу. Этот засранец все же был ужасно притягателен!

– Александр, – вдруг выпалила я, – а когда вы собираетесь домой?

Его лицо омрачилось, в глазах мелькнула тень растерянности и смятения.

– Давай не будем об этом сейчас, – тихо ответил он, избегая моего взгляда. – Эта история, в которую я влип, еще не закончилась. Мне лучше пересидеть здесь. В незнакомом месте. Там, – он кивнул головой в сторону улицы, – у меня сейчас мало шансов на выживание.

Я чувствовала, нутром чувствовала, что он что-то скрывает. Но сейчас, в этот волшебный вечер, я не хотела разрушать хрупкое очарование расспросами и чужими тайнами. Я просто хотела наслаждаться каждым мгновением, его присутствием, ощущением тепла и нежности, которых так давно не знала. А правда... она подождет.

ГЛАВА 4

Неожиданный стук в дверь, как выстрел, разорвал тишину повисшую в комнате, и заглушил невнятное бормотание телевизора. Мой гость, словно испуганный зверь, метнулся к окну и, осторожно отодвинув тяжелую портьеру, жадно взгляделся во внутренний двор. Раздражение, подобно ледяной волне, окатило меня, когда я направилась к двери. Я распахнула ее и обомлела.

На пороге стоял мужчина. Его глаза, пронзительно-голубые, казались высеченными из льда. Снег, не переставая, густо сыпал с неба, но он стоял без шапки, словно не чувствуя холода.

– Сашка здесь? – спросил он, буравя меня взглядом.

Сердце бешено заколотилось в груди. Кто он? Откуда знает Александра? Не его ли боится мой раненый гость? Неужели все настолько серьезно, и этот внезапный визитер в моей жизни – не просто заблудившийся путник, а беглец, за которым тянется шлейф опасности?

– Я не понимаю, о ком вы, – попыталась соврать я, но голос предательски дрогнул. – Здесь никого нет. Новый год, знаете ли, встречаю в одиночестве.

Мужчина словно не услышал моих слов. Уголки его губ презрительно скривились в усмешке. Он пронзил меня изучающим взглядом, отодвинул в сторону и бесцеремонно ворвался в дом.

– Не стоит строить из себя шпионку, малышка, – прорычал наглец, оглядываясь по сторонам. – Я знаю, что он здесь.

В этот момент из гостиной вышел Александр. Лицо его было непроницаемым, словно маска, но по глазам было видно, что он полон решимости. В нем не было и следа растерянности. Он выглядел собранным, опасным, человеком, готовым к бою.

– Марк, как ты меня нашел? – спокойно спросил Александр, делая шаг вперед.

– По следам шел, от самой машины, – уклончиво ответил тот. – Жрать хочу и спать. Вымотался.

Марк жадно набросился на еду, уплетая гуся с яблоками и бутерброды так, словно не ел целую неделю. Александр смотрел на него с улыбкой. Я же, словно замороженная, наблюдала за этой сценой, пытаюсь понять, что происходит. Кто этот Марк? Друг, враг, сообщник? И почему он так уверенно чувствует себя в моем доме?

– Так что теперь? Прикончишь меня здесь, на глазах у маленькой домохозяйки? – с сарказмом спросил Александр, когда Марк немного утолил голод.

– Не говори глупостей, Сашка. Если бы я хотел тебя прикончить, то уже бы это сделал. Нам нужно поговорить, – ответил Марк, откинувшись на спинку стула. – И ты прекрасно знаешь, о чем.

Я чувствовала, как напряжение в комнате сгущается с каждой минутой. Они говорили намеками, обрывками фраз, из которых я ничего не понимала, но чувствовала – речь идет о чем-то очень серьезном и опасном. О чем-то, что может разрушить мою жизнь.

– Ладно, – вздохнул Александр. – Лиза, не могла бы ты оставить нас на пару минут? Это... личное.

Я кивнула, скрывая расползающееся по душе разочарование, и бесшумно вышла из комнаты. Прижавшись спиной к ледяной стене коридора, словно в поисках хоть какой-то опоры, я тщетно пыталась уловить обрывки их разговора.

Голоса звучали приглушенно, почти шепотом, словно плели заговор в темноте. Меня леденил страх перед неведомым, ожидающим впереди. Стараясь похоронить нарастающую тревогу, я накинула шубку и побрела к главной елке горнолыжного курорта.

Сверкающие огни елки танцевали в глазах ликующей толпы, поздравляющих друг друга и кружащихся в хороводе. Вокруг бурлило море всеобщего веселья и беззаботности, словно и не существовало на свете иных забот.

В моей же душе бушевал ураган страха и неопределенности. Каждый взрыв смеха, каждое радостное восклицание болезненным эхом отдавались в голове. Я чувствовала себя чужой на этом празднике жизни, словно запертой в стеклянном кубе, наблюдающей за чужим счастьем.

В голове бились вопросы, словно птицы в клетке, не находя ответов. Кто эти двое мужчин, появившиеся из ниоткуда? Что за нити связывают их между собой? И как, во имя всего святого, я оказалась втянута в этот безумный водоворот событий? Я всего лишь хотела спокойно встретить Новый год, а вместо этого угодила в эпицентр какой-то криминальной драмы.

Вокруг елки и ледяных горок рассыпала искры новогодняя иллюминация, бросая причудливые отблески на снежную гладь импровизированного городка. Гирлянды, словно россыпь драгоценных камней, переливались всеми цветами радуги, создавая атмосферу сказки и волшебства.

Дети, повизгивая от восторга, наперегонки скатывались с ледяных горок, а родители, с блаженными улыбками на лицах, наблюдали за их весельем, согреваясь горячим глинтвейном из хрупких картонных стаканчиков.

На площади перед елкой раскинулась ярмарка, пестревшая сувенирами, сладостями и всякой всячиной. Торговцы, словно заправские зазывалы, расхваливали свой товар, перекрикивая друг друга, а воздух был напоен аппетитными ароматами жареных колбасок и свежей выпечки. Музыка, словно невидимый дирижер, создавала праздничное настроение, заставляя прохожих пританцовывать в такт мелодии.

Ледяные фигуры, подсвеченные разноцветными прожекторами, поражали воображение своей красотой и филигранной детализацией. Дед Мороз и Снегурочка, рождественские олени и сказочные персонажи – казалось, они вот-вот оживут, сойдя со страниц любимых детских сказок. Люди, улыбаясь и обнимаясь, фотографировались на их фоне, стараясь запечатлеть эти волшебные моменты, словно ловили ускользающее мгновение счастья.

Несмотря на крепкий мороз, на площади было многолюдно. Люди гуляли, общались, поздравляли друг друга с наступающим праздником. В глазах каждого читалась надежда на лучшее, непоколебимая вера в чудеса и сладкое предвкушение счастливого нового года. И даже сквозь пелену тревоги и неопределенности, терзающих мою душу, робко пробивался слабый луч надежды на то, что и для меня этот Новый год принесет что-то хорошее, что-то светлое.

Решение скатиться с ледяной горки показалось мне спасительным – глотком свежего воздуха, возможностью на время отвлечься от тревожных мыслей. Я встала в очередь, жадно вдыхая морозный воздух, пропитанный запахом хвои и корицы. Наверху, затаив дыхание, огляделась – город, утопающий в мерцающих огнях, казался декорацией к волшебной сказке.

Оттолкнувшись, я понеслась вниз, ветер, словно озорник, засвистел в ушах, а снег, словно бриллиантовая пыль, искрился под ногами. В этот миг я почувствовала себя ребенком, беззаботным и счастливым, как тогда, в детстве – с мамой и папой на картонке мы летели навстречу новому году, полные надежд и веры в чудо.

После нескольких спусков, немного согревшись и развеселившись, я решила присоединиться к хороводу вокруг елки. Взявшись за руки с незнакомыми людьми, я поддалась общему настроению радости и единения. Мы пели новогодние песни, смеялись и от души поздравляли друг друга.

На мгновение я забыла о страхе и опасности, царивших в том доме. Так незаметно прошло несколько часов и литров глинтвейна, когда внезапно чья-то рука легла мне на плечо. Обернувшись, я увидела Александра. Он смотрел на меня с виноватой улыбкой, и в его глазах я прочла что-то, чего никак не ожидала увидеть.

– Лиза, я не хотел, чтобы ты уходила из дома, – произнес он, в голосе слышалась усталость. – Мы с Марком извелись, пока искали тебя.

– А я вас просила? Ваши личные драмы – это ваши личные драмы, а у меня тут новогодняя феерия. Отстаньте, – весело отмахнулась я.

– Мать, да ты пьяна в стельку! – прошептал мне на ухо другой мужской голос, отчего я резко обернулась. Передо мной возник Марк, словно призрак из другого мира.

– О! Ледышка пожаловала, – проворчала я с кислой миной. – Ну вот и сказочке конец!

Его холодный взгляд обжег сильнее январского мороза. Вся эйфория, словно мыльный пузырь, взорвалась, оставив после себя лишь липкое ощущение вины и смутной тревоги. Он был воплощением всего того, от чего я бежала, символом контроля и... удушья.

– Пойдем домой, Лиза, – отрезал Марк, хватая меня за руку. – Я тебе покажу, какая я ледышка.

Хватка у него была стальной, не оставляющей ни малейшего шанса на сопротивление. Александр виновато отвел взгляд, не решаясь возразить. Я понимала – спорить бесполезно, сегодня он не отступит.

– Лиз, ну правда, не делай глупостей. Давай тихо, без лишнего шума уйдем отсюда, – попытался уговорить Александр.

– Никуда я с вами не пойду. Вы вообще кто такие? Что вам от меня нужно? Это же Новый год! Люди веселятся, а вы ходите хмурые, как затравленные звери. Зачем вообще такая жизнь? Оставьте меня в покое! – выпалила я, и в правде этих слов было столько горечи, что самой стало не по себе.

– Все, мое терпение лопнуло, – процедил Марк сквозь зубы и, не говоря ни слова, подхватил меня на плечо. Мир перевернулся, и меня тут же затошнило.

– Помогите! Мажоры столичные насилуют! – заорала я, но мой вопль утонул во всеобщем гуле новогодней толпы.

Они шли молча по искрящимся от снега улицам, а я болталась у Марка на плече, как сломанная кукла. С одной стороны, я злилась на них за то, что они прервали мой недолгий побег из реальности. С другой – где-то глубоко внутри ощущала облегчение от того, что они пришли за мной и тащат на себе домой.

– Интересно, как она поняла, что мы столичные? – нарушил молчание Александр.

– По нашим холеным рожам и шмоткам, – сухо ответил Марк. – Надо будет сменить гардероб и обзавестись щетиной. Но больше всего меня добивает, что я, оказывается, мажор и насильник. Да уж, не девчонка, а ходячая проблема.

Дома меня ждала тягостная тишина. Ни упреков, ни криков. Просто накрыли на стол, напоили горячим чаем с лимоном и уложили спать. Засыпая, я чувствовала щемящее опустошение и робкую надежду. Опустошение от того, что праздник закончился, так и не начавшись. И надежду на то, что, может быть, в новом году у меня хватит сил изменить свою жизнь. Но теперь я не боялась. В мерцающем свете новогодних огней, среди отголосков веселья и смеха, во мне проснулась слабая, но живая надежда. Надежда на то, что даже в самой темной ночи всегда есть место для чуда.

ГЛАВА 5

Я открыла глаза, и в сознании бились всего две мысли: я жива и это точно не утро. Поднявшись с постели, приняла душ, натянула привычные джинсы и футболку и, с тяжелой, гудящей головой, спустилась с мансарды в просторную гостиную.

Здесь, у камина, застыли две фигуры – Александр и Марк. Они молча сидели, словно загипнотизированные плясками огненных языков, и густая, ощутимая почти физически, волна напряжения наполняла комнату. Александр встретил мой взгляд и поднялся.

– Лиза, как ты себя чувствуешь? Нам нужно кое-что уладить... Не могли бы мы пожить у тебя какое-то время? Разумеется, мы заплатим, – жестко и уверенно прозвучал его голос.

Марк лишь едва заметно кивнул, подтверждая серьезность сказанного. Сердце кольнуло стыдом, но я подавила порыв признаться, что это не мой дом. Меня словно затягивало все глубже в их мир, в эту чужую, непонятную историю.

– Хорошо, – сдалась я и направилась к холодильнику в поисках еды.

Необычно было видеть, что мужчины убрали все следы вчерашнего праздника. Стол вернулся на свое место, остатки продуктов были аккуратно расставлены по полкам холодильника. Вокруг царил идеальный, почти болезненный порядок.

В животе предательски заурчало, напоминая о моих вчерашних возлияниях и пропущенном завтраке. Достав из холодильника уцелевшие закуски, я молча принялась за еду. Тишину в доме нарушало лишь потрескивание каминных дров. Я ощущала на себе тяжелые взгляды мужчин, которые буравили мою спину, но старалась не обращать на них внимания, сосредоточившись на еде.

Мой импровизированный обед прошел в относительной тишине. Александр предпринял пару робких попыток завести светскую беседу, но Марк оставался непроницаемым, лишь изредка бросая на меня изучающие, пронизывающие взгляды. Почувствовав себя лишней, я накинула шубку и вышла на обжигающий морозный воздух.

Прогуливаясь по заснеженным тропинкам, огибающим дом, я пыталась разобраться в хаосе чувств, бушующих внутри. С одной стороны, пугало это неожиданное соседство с двумя незнакомцами, втянутыми в какую-то опасную, темную игру. С другой – что-то необъяснимое манило к ним, какая-то сила, заставлявшая наплевать на разум и довериться интуиции.

Вернувшись в дом, я застала Александра и Марка за тихим разговором. Они стояли у окна, о чем-то шепчась. Заметив меня, моментально замолчали. Взгляд Марка был странным, словно он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Я вдруг ощутила между нами едва уловимую связь, нечто большее, чем просто случайная встреча. И эта связь тревожила меня не меньше, чем всё неведомое, обрушившееся на меня в последние дни.

– Чья машина во дворе? Твоя? – неожиданно прозвучал вопрос Марка.

– Соседа, – соврала я. – У него в гараж не поместилась. Там много гостей.

– Может, ты расскажешь нам о себе? И мы вообще как-то начнем общаться? – предложил Александр. – Мы тут у тебя задержимся, пока ситуация не прояснится.

– О чем рассказывать? Живу одна, работаю, никого не трогаю, примус починая, – попыталась я отшутиться, но вышло натянуто.

Правду о съемном доме и недавнем разводе я выкладывать перед ними не собиралась. Пусть думают, что я хозяйка всего этого великолепия. Так будет проще, пока они отсидаются и растворятся в дымке моей жизни.

– Хватит юлить, Лиза. Мы же видим, что ты не такая простая, какой кажешься. И то, как ты вчера отреагировала – «мажоры столичные насилуют» – говорит о многом. Откуда такие познания? – Марк смотрел прямо в глаза, прожигая взглядом, не давая уйти от ответа.

Я вздохнула, осознавая, что вчера перегнула палку, и отрицать очевидное было бессмысленно. Их взгляды прожигали меня насквозь, вынуждая говорить правду, какой бы абсурдной она ни была. Мысленно показав им фигу, я попыталась прервать их навязчивое внимание.

– Ладно, хорошо. Давайте притворимся, что я вас не знаю, не видела и знать не желаю. Просто... как и вы, оказалась не в то время и не в том месте. Можете здесь переждать жизненную бурю и убирайтесь, а от меня – подальше, – проговорила я на одном дыхании, отступая к лестнице, ведущей на мансарду, где располагались две мои комнаты, куда вход им был заказан.

Тишина повисла в воздухе. Александр и Марк обменялись взглядами, словно вели безмолвный диалог. Затем Марк едва заметно кивнул, словно принял какое-то важное решение.

– Хорошо, Лиза. Мы поняли, – ответил он, преграждая мне путь. – Но у меня вопрос. Почему ты так злишься на нас?

Я замерла, словно пораженная током, не находя ответа. Злюсь ли я? Да, злюсь. Но почему? Не знаю. Наверное, на их внезапное вторжение, на хаос, который они посеяли в моей и без того беспокойной жизни. Злюсь на ту опасную игру, в которую они втягивают меня против моей воли. Но больше всего я злюсь на себя, за то, что позволила им это сделать, за слабость и любопытство, которые взяли верх над разумом.

– Я ни на кого не злюсь, – процедила я сквозь стиснутые зубы, стараясь унять дрожь в голосе. – Просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

– Это невозможно, Лиза, – твердо произнес Марк, и его взгляд стал еще более пронзительным, обжигающим. – Мы уже по уши влипли, хочешь ты этого или нет. И ты не можешь просто так от нас отмахнуться, малышка.

Александр молча наблюдал за нашей словесной дуэлью, словно выжидая развязки. Чувствуя, что почва уходит из-под ног, я решила отступить.

– Делайте, что хотите, – устало бросила я и, обойдя Марка, двинулась к лестнице, ведущей на мансарду. Мне необходимо было уединение, чтобы осмыслить произошедшее и принять какое-то решение. Но я знала наверняка – моя жизнь уже никогда не будет прежней.

И тут внезапно Марк подхватил меня на руки и решительно направился наверх.

– Что ты творишь?! – ошеломленно воскликнула я.

– Ты сказала: делайте что хотите. Вот я и делаю. Потому что я хочу тебя до безумия, – уверенно прошептал он, и его глаза, словно два темных омута, наполнились синевой страсти. – Сколько можно смотреть и не касаться? Я вчера чуть с ума не сошел от твоего запаха.

Я забилась, отчаянно пытаюсь вырваться, но он крепко держал меня в сильных руках. Александр застыл на месте, казалось, ошеломленный не меньше меня. Он не двигался, лишь с изумлением следил за происходящим. Ярость вскипала во мне, смешиваясь со страхом и... странным, неведомым доселе волнением.

Марк ворвался в мою комнату, и мир качнулся, когда он опустил на землю, но не отпустил. Он словно пригвоздил меня к себе, его поцелуи обжигали, как клеймо, выжженное на всей коже. Я попыталась вырваться, но сопротивление было тщетным – силы иссякли под напором его жажды.

Мужские руки, словно змеи, скользили по спине, сжимая в объятиях, от которых не было спасения, а губы, властные и ненасытные, терзали мое лицо и шею. В голове разгорался пожар, тело пылало в огне неконтролируемой страсти. Я тонула, захлебываясь в этой пучине, и осознание потери над собой пугало до дрожи. Кровь, словно обезумевший барабанщик, колотила в висках, а голова кружилась в безумном танце, когда я ощутила прикосновение второй пары мужских рук. Внизу живота вспыхнул болезненный узел, и в этот момент я представила нас со стороны – стыдливое зрелище, где я была марионеткой в их игре.

Собрав волю в кулак, словно хрупкое сокровище, я оттолкнула их, чувствуя, как в глазах закипают слезы злости и унижения.

– Что вы творите? – прошептала я, голос дрожал и срывался. – Кто дал вам право?

– Право? – усмехнулся Марк, и в его глазах мелькнул хищный блеск. – Право, малыш, дает желание... и твое тело. Ты хочешь этого, не отрицай. Я чувствую.

С вызывающей уверенностью он нырнул рукой под ткань моего белья и через мгновение вытащил мокрые пальцы, с триумфом демонстрируя их мне. Я опустила взгляд, не в силах выдержать его давящего, торжествующего взгляда. Он был прав. Темная, неизведанная бездна внутри меня жаждала его прикосновений, молила о них. И эта правда была самым страшным проклятием.

– А теперь оба вон из моей комнаты. Иначе вышвырну из дома, – прошипела я, вкладывая в каждый звук всю свою ненависть.

Они не двигались с места, словно пара каменных изваяний, внезапно оживших и вновь замерших. В глазах Марка читалось неприкрытое торжество победителя, смешанное с каким-то нетерпеливым ожиданием, а Александр, казалось, был ошеломлен, словно невольный свидетель сцены, в которой ему не стоило быть. Меня пронзила острая, обжигающая стыдом мысль: что это – игра? И кто в ней пешка, а кто кукловод?

Собрав остатки самообладания, я приложила максимум усилий, чтобы голос звучал твердо и уверенно:

– Я сказала – вон! Сейчас же! Иначе я вызову полицию, и мне плевать, кто вы такие и во что ввязались.

На удивление, мои слова возымели действие. Марк отступил, бросив на меня долгий, изучающий взгляд, словно пытаюсь разгадать некий код, скрытый в глубине моей души. Александр, не говоря ни слова, развернулся и молча вышел из комнаты. Марк последовал за ним, задержавшись на пороге лишь на мгновение, чтобы бросить мне напоследок многозначительную улыбку.

Оставшись одна, я рухнула на кровать, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. Ненависть к ним, к себе, к этой нелепой ситуации душила, словно змея. Как я могла позволить им так со мной обойтись? Где та сильная, независимая женщина, которой я всегда себя считала? Или это лишь маска, скрывающая испуганную девочку, запутавшуюся в жизни? Нужно было срочно что-то решать. Нельзя позволить им и дальше хозяйничать в моей жизни, диктовать свои правила.

В голове созрел отчаянный план. Рискованный, безумный, но единственный, который мог вернуть мне контроль над ситуацией. Я должна сыграть по их правилам, чтобы выиграть. И пусть они думают, что я – пешка. Пешки тоже могут превратиться в ферзей!

ГЛАВА 6

Рассвет еще не прокрался в окна, когда я уже рыскала в паутине интернет-новостей в своем ноутбуке, пока дом погружался в сонный покой. И, конечно, я нашла. “Наследники империи Морозовых исчезли после дерзкого покушения в горах!” Здесь сообщалось, что кортеж, направлявшийся на новогодний прием, взлетел на воздух. Столица бурлила в обсуждении этой новости, словно растревоженный улей.

Мысли роились в моей голове. Решено: никакой правды им не видать. Продолжу играть роль непринужденной хозяйки, хотя нутро рвалось сорваться с места и умчаться прочь отсюда. Эти двое лишили меня спокойных новогодних каникул.

– Лиза, завтрак подан! – голос Александра неожиданно прогремел снизу, как раскат грома.

Щеки вспыхнули предательским румянцем. Спустилась, стараясь сохранить невозмутимость. Александр хлопотал у стола, а Марк, облокотившись на кухонный остров, прожигал меня взглядом. Завтрак был как картинка глянцевого журнала: яичница с беконом, хрустящие овощи, обжигающий кофе. Идиллия, отравленная густым напряжением в воздухе.

Я села, избегая взгляда Марка. Его вчерашнее поведение оставило на душе липкий осадок. Александр вел себя так, словно ничего не произошло, что лишь добавляло абсурда происходящему.

“Нужно что-то сказать, разрядить эту гнетущую атмосферу”, – подумала я. Сделав глубокий вдох, и произнесла:

– Благодарю за завтрак. Сегодня планирую провести день на горнолыжном склоне.

– Всегда пожалуйста, но без нас никуда, – отрезал Александр. В его голосе не было ни тени улыбки. Серьезный и бескомпромиссный.

Марк молчал, испепеляя меня взглядом. Я безуспешно пыталась сосредоточиться на еде, но аппетита не было. Каждый кусок казался комком. В голове – калейдоскоп новостей, теней прошлого и моего плана – хрупкого, как ледяная скульптура. Нужно выждать момент. И главное – не выдать им свою тайную слабость – зависимость от их мужского магнетизма.

– Вы мне не указ, – огрызнулась я, стараясь скрыть дрожь голоса. Внутри бушевал ураган. – Я достаточно взрослая, чтобы самой решать, как проводить свои каникулы.

– Ты забываешь, где находишься и в какой ситуации, – с вызовом бросил Марк, его взгляд стал еще опаснее. – Наша задача – твоя безопасность. И если ради этого потребуется клетка, мы ее построим. И да, ты наша девочка, не забывай!

– Моя безопасность? – усмехнулась я. – Или ваша? Тогда сидите дома и дрожите. А у меня, между прочим, законные новогодние каникулы после развода. Имею право!

Александр и Марк обменялись быстрыми взглядами. В них мелькнула тень замешательства, тут же сменившись твердостью.

– Хорошо, – отрезал Александр. – Установим правила. Передвигаешься по дому и территории только в сопровождении одного из нас. Попытки сбежать или связаться с кем-либо будут расцениваться как нарушение договора. Тогда меры станут... убедительнее. И никаких лыж без нас. Мы в одной упряжке, и точка.

– Договора? – язвительно повторила я. – Под дулом пистолета подписывать будете? Нет уж. Вы сами по себе, я – сама по себе. Мы лишь временные соседи, связанные волею судеб. Давайте играть по этим правилам. Но помните: игра может закончиться в любой момент и совершенно неожиданно. И тогда каждый будет сам за себя.

– У нас проблема, Лизонька. Мы с Сашкой не смогли поделить, чьей ты будешь. Выбор за тобой, – безапелляционно отрезал Марк. – Но одно знай наверняка: ты наша.

– Это в каком смысле? – с любопытством уточнила я. – Место содержанки мне предлагаете?

Я и без них прекрасно знала, что в Москве этим никого не удивишь. Содержанки стали приметой времени, чуть ли не закономерностью. Только мне это претило. А вот в столичных деловых кругах к этому давно привыкли и считали нормой.

– Ну что ты, Лиза, – поспешил возразить Саша, в голосе – искреннее удивление, даже обида. – Мы предлагаем тебе надежное партнерство. Видим в тебе не просто красивую молодую женщину, но и умную, целеустремленную. Ты же мечтаешь о собственном бизнесе? Мы готовы помочь реализовать твои амбиции: стартовый капитал, связи, поддержка. Но взамен хотим, чтобы ты была рядом с нами.

Я молча смотрела на них, переваривая услышанное. Содержанка... только сети плетут хитро. В упрощенном варианте ты всего лишь красивая игрушка, приложение к успешному мужчине.

– И что конкретно вы предлагаете? – наконец спросила я, стараясь унять дрожь в голосе.

– У нас есть несколько идей, – ответил Марк. – Выбирай, что ближе. А можем вместе придумать что-то совершенно новое, уникальное. Главное, чтобы тебе было интересно.

Я задумалась. Свой бизнес... мечта... но с ними рисковать страшно. А тут такой шанс, судьба, о которой можно только грезить. Но взамен – не просто сотрудничество. Нечто большее, сложное, запутанное. Они хотели меня купить, выставив свои условия.

– Идите к лешему, мальчики! Оба! – выпалила я, торопливо натягивая горнолыжный костюм. – А я буду жить... простой человеческой жизнью. Свободной и счастливой.

Их столичный цинизм, лощеный и самоуверенный, одновременно меня забавлял и выводил из себя. Видимо, они приняли меня за девушку из провинции, которая будет рада приобрести покровителя. У меня, конечно, не было розовых пони, танцующих джигу в голове. Но то, что предлагали эти двое, спугнуло бы многих женщин.

В этот момент меня осенило: они видят во мне наивную провинциальную простушку, с которой можно поиграть. Кровь бросилась в лицо. Не обращая внимания на их ошарашенные гримасы, я выскочила из дома, жадно глотая морозный воздух. Бежать, проветриться, вырваться из этого удушающего кокона. «Жить обычной человеческой жизнью...» – глухо отдавалось эхом в голове. Как же далеко это от той реальности, в которую я угодила.

На улице мороз кусал за щеки. Снег пел под ногами хрустальную песню. Солнце било в глаза, заставляя жмуриться. Я попыталась сосредоточиться на настоящем, отбросить вчерашний кошмар и сегодняшний ультиматум. Но их слова, цепкие, как крючья, их взгляды, полные снисходительной насмешки, преследовали меня, словно въедливая мелодия. Я знала, что эти двое так просто не отстанут. Пиявки, присосавшиеся к моей жизни. Я видела этот голодный мужской блеск в их глазах.

Нет, решено. Я найду выход. Обязательно. Выберусь из этой идиотской ситуации. И плевать на их «партнерство», на их «стартовый капитал» и прочие мерзкие соблазны. Свобода – вот моя ценность! Лучше буду голодать, но сама распоряжаться своей жизнью. Иначе я просто перестану себя уважать.

Я подошла к краю обрыва, заглянула вниз. Деревья, закутанные в белые саваны, казались сказочными великанами, погруженными в глубокий сон. В их молчаливом величии чувствовалась некая первозданная мудрость, невозмутимое спокойствие. Эх, мне бы столько же терпения и выдержки, чтобы пережить все это и остаться собой.

С этими мыслями я побрела к горнолыжным спускам, где, как муравьи, копошился народ. На склоне царил атмосфера безудержного веселья. Лыжники и сноубордисты, лихие всадники снежной стихии, рассекали белоснежную гладь. В этом головокружительном вихре движения можно было забыть обо всем – хотя бы на миг.

Я взяла напрокат снаряжение и, чуть помедлив, пристегнула лыжи. Когда-то я чувствовала себя на склонах, как рыба в воде, но сейчас каждая мышца была натянута, словно струна, от страха. Сделав несколько неуверенных шагов, я почувствовала, как лыжи скользят, ускоряясь, и меня понесло вниз. Сердце бешено заколотилось в груди, но где-то глубоко внутри, в самой сокровенной части души, ликовал буйный ветер свободы.

Я летела сквозь ветер и снег, ощущая это пьянящее чувство полета. Забыв обо всех предостережениях и осторожности. Отдалась этому порыву, наслаждаясь каждым мгновением, каждым морозным укусом в щеку.

Мимо проносились другие лыжники, слышались радостные крики и смех. И на какое-то короткое, но блаженное время я действительно забыла об этих двоих – Александре и Марке. Они казались далеким кошмаром, призраками, потерявшими свою власть над моей жизнью.

Внезапно мое внимание привлек инструктор, лихо управлявший лыжами, словно они были продолжением его собственных ног. Высокий, с обветренным лицом и искорками смеха в глазах, он выделялся на фоне остальных. Его движения были плавными и уверенными, как танец. Он заметил мое неуверенное скольжение и, подлетев ко мне, мягко притормозил меня за руку.

– Первый раз на лыжах в этом сезоне? – спросил он с улыбкой. Его взгляд был открытым и доброжелательным.

– Что-то вроде того, – ответила я, смущенно поправляя съехавшую шапку. – Давно не каталась.

– Не беда, сейчас все вспомним, – заверил он. – Меня Сергей зовут. А вас?

– Я – Лиза.

Мы провели несколько часов вместе. Сергей терпеливо учил меня заново чувствовать лыжи, правильно распределять вес, уверенно поворачивать. Он не просто был инструктором, он заражал своей любовью к горам и снегу. Время пролетело незаметно. К середине дня я уже не чувствовала той скованности и страха, которые терзали меня утром. А главное – я начисто забыла об Александре и Марке. Морозное солнце раскрасило небо в нежные голубые тона. Мы стояли на вершине горы, уставшие, но счастливые.

– Спасибо, Сергей, – искренне поблагодарила я. – Вы вернули мне вкус к жизни.

– Это горы вернули, – возразил он, лукаво улыбаясь. – А я просто помог, но прошу за это ужин сегодня. Вон в том ресторане. Договорились?

– Хорошо. До вечера, – улыбнулась я и помчалась по склону.

– Буду ждать в семь, – крикнул Сергей мне в след.

– Договорились, – ответила я.

Но, как известно, за каждым взлетом следует падение. Неожиданно, на крутом повороте, я потеряла равновесие и рухнула в снег. Лыжи выстегнулись, и я покатилась кубарем вниз по склону. Больно ударилась о что-то твердое, и мир на мгновение померк. Когда пришла в себя, надо мной стояли встревоженные лица. Я поднялась, чувствуя острую боль в ноге. Похоже, неудачное падение все же дало о себе знать. Оглянувшись, я увидела Александра и Марку, спешащих ко мне. Их лица были искажены тревогой и раздражением.

– Сука... я тебя прибью, Лиза, – взревел Марк, настигая меня у подножия склона. – Что это за хмырь? Что за танцы на льду?

– Говорили же, без присмотра никуда, – прорычал Александр, подхватывая меня на руки, как сломанную куклу. – Совсем страх потеряла?

Я попыталась вырваться, но его хватка была стальной. Нога жгла огнем, а в глазах плясали черные мушки от бессильной ярости.

– Отпусти! Сама доковыляю, – процедила я сквозь зубы. – И вообще, кто вы такие, чтобы мне указывать?

– Мы – твой персональный кошмар, Лизонька, – с ледяной усмешкой парировал Марк.
– И чем быстрее ты это усвоишь, тем целее будешь.

Они унесли меня прочь, словно добычу, небрежно перебрасываясь короткими, ядовитыми фразами, полными упреков и угроз. Вечер с Сергеем казался сейчас призрачным видением, ускользающим сном.

Дома меня бережно уложили в постель, подсунув в руки дымящуюся кружку с глинтвейном.

– Полный покой, – прозвучал их безапелляционный вердикт.

– Как же! Сейчас прямо и послушаюсь! У меня, между прочим, свидание назначено на ужине, – огрызнулась я.

Александр и Марк, словно два адских цербера, застыли у двери, недвусмысленно намекая, что дальше этой комнаты мне ходу нет. Я чувствовала себя узницей в клетке, где каждый мой вздох, каждый взгляд был под их пристальным контролем.

– Какое еще свидание? – сквозь зубы процедил Марк.

– Плата за мастер-класс по лыжам, – гордо ответила я.

– Ужин с этим лыжным альфонсом отменяется, – отрезал Александр, буравя меня взглядом. – Ты остаешься дома. Или тебе нужно повторять дважды?

– Сашка, мир уже сошел с ума, если мужское слово ничего не значит для женщины? – выплюнул Марк.

– Забудь ты про этот мир и его правила, – устало отмахнулся Александр. – У нас своя игра, свои законы. И в этой игре Лиза – наша.

Я прожигала их взглядом, полным возмущения, впиваясь в их самодовольные лица, в их властные позы. Наша? Что они себе возомнили, эти вершители судеб? Ярость клокотала в груди, обжигая горло, готовая вырваться наружу.

– Я не ваша! – выкрикнула я, едва сдерживая гнев. – Я не вещь! Я живой человек! И сама буду решать, что мне делать! Вы оба мне не нравитесь!

Но на это Марк лишь цинично усмехнулся:

– Ах, Лизонька, какие громкие заявления. Но ты уверена, что успела составить о нас своё мнение? Ты ведь еще не пробовала нас! Так как ты можешь думать, что тебе не понравится?

Александр кивнул, подтверждая слова друга, и пророкотал:

– Марк тысячу раз прав. Ужин с этим типом отменяется, если не хочешь, чтобы я сломал ему ноги. Безопасность – прежде всего. А твоя безопасность – это мы, рядом с тобой. Никто и никогда не посмеет тронуть женщину, которая принадлежит нам.

Их слова прозвучали как приговор. Я почувствовала себя загнанной в угол, лишенной всякой надежды на свободу. Они словно обвинили меня невидимой паутиной, сотканной из собственничества и ревности, из которой не было выхода. И в этот момент я осознала, что мой хрупкий, необдуманный план, словно ледяная скульптура под лучами солнца, окончательно рухнул, оставив после себя лишь осколки разбитых надежд.

– Ну вы и ... – процедила я, прищуривая глаза. – Это немыслимо. Кто вы такие, чтобы решать за меня? Я только что развелась, и хочу веселья, каникул и много чего еще! А тут вы свалились на мою голову! За что?!

– Мы те, кто не позволит тебе совершить ошибку и не любит делиться своим, – мягко возразил Марк, наклоняясь ко мне. – Ты просто этого еще не поняла, Лиза. Но мы знаем, что тебе нужно.

Жгучая обида сдавила горло. Хотелось кричать, выть, разбить что-нибудь вдребезги. Но я сдержалась. Пока. Нужно было собраться с силами, обдумать план. Лыжный альфонс, сломанные ноги, безопасность... Их слова звучали как бред сумасшедших, но в этом бреде сквозила злая воля, готовая воплотиться в реальность.

Я отвернулась к окну, глядя на заснеженные вершины, теряющиеся в предзакатном мареве. Там, в этой дикой красоте, таилась свобода, недоступная для меня сейчас. Там, в безмолвном величии гор, была сила, способная пережить любые бури. Я должна использовать эту силу, чтобы вырваться из их цепких лап.

– Хорошо, – тихо произнесла я, не поворачиваясь. – Я останусь. Но вы должны кое-что пообещать. Никакого насилия. Никаких угроз. Я должна сама принять решение, что делать дальше. Дайте мне время.

Александр и Марк переглянулись. В их глазах плескалось недоверие, но и облегчение. Они боялись, что я снова попытаюсь сбежать, что ускользну из-под их контроля. И это была моя единственная карта – сыграть на их страхе, выиграть время, найти слабое место в их броне.

– Мы согласны, хотя насильниками никогда и не были, – наконец сказал Александр. – Но помни, Лиза, время ограничено. И чем дольше ты тянешь, тем больше вероятность, что мы потеряем терпение.

В комнате повисла тишина, густая и напряженная, словно натянутая струна. Я не видела их лиц, чувствовала лишь мужские пристальные взгляды, прожигающие спину. Знала, что они не поверят ни единому моему слову, что ждут подвоха. Но сейчас это было неважно. Главное – выиграть время, отсрочить неминуемое.

– Отлично, – тихо проговорила я, поворачиваясь к ним лицом. – Тогда оставьте меня одну. Мне нужно отдохнуть и подумать.

Они нехотя отступили, оставив меня в комнате наедине со своими мыслями. Дверь бесшумно закрылась, отрезая меня от внешнего мира. Я прислушалась к их удаляющимся шагам, убедившись, что осталась одна. Лихорадочно заметалась по комнате, осматривая каждый угол, ища выход, лазейку, хоть малейшую возможность вырваться.

Внезапно мой взгляд упал на телефон, лежащий на прикроватной тумбочке. Мобильник – связь с миром! Сердце бешено заколотилось в груди. Я взяла телефон и набрала номер Светки. Гудки тянулись мучительно долго, словно испытывая мое терпение. Наконец она ответила, и я, стараясь говорить как можно спокойнее, не выдавая своего волнения, рассказала ей всю историю, лишь опустив имена навязчивых персонажей. На что она закричала:

– Ты ненормальная, Лиза? Да о таком можно только мечтать! Два молодых мужика выются возле тебя, а ты... ты... я тебя сама убью, когда ты вернешься!

– Света, ты меня слышала? Что я тебе рассказала? Они ненормальные циники и эгоисты! – обеспокоенно ответила я.

– Да! А ты встречала других мужчин? – процедила в трубку моя подруга. – Ты идиотка? Других мужчин не существует! Это мы их делаем другими!

Я чуть не выронила телефон. Слова Светы прозвучали как пощечина. Как же она не понимает? Это не романтическая сказка, а кошмар наяву, который испортил мои каникулы! Но, вслух я лишь пробормотала, стараясь сохранять спокойствие:

– Свет, пожалуйста, послушай. Мне нужна помощь. Просто приезжай сюда на каникулы, ладно?

– Ну нет, Лиза. Если я приеду, то мой брак будет под большим риском. Боюсь, не сдержаться. Так что завтра ты топишь баню и тестируешь своих мужиков. Поняла? – ворчливо ответила Света.

– Нет, – ошеломленная таким откровением произнесла я.

– Да, – выпалила Света и бросила трубку.

Я откинулась на подушку, закрыв глаза, и попыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Ночь обещала быть долгой и мучительной. Но я точно знала одно: я не сдамся без боя.

ГЛАВА 7

Утро ворвалось в комнату наглым лучом солнца, пробивающимся сквозь брешь в плотно задернутых шторах. Голова гудела набатом, во рту ощущалась пересохшая пустыня, а в душе, словно на пепелище, тлели угли вчерашнего отчаяния.

В дверь постучали – коротко, требовательно – и, не дожидаясь ответа, в комнату вошли Александр и Марк, неся на подносе приторный натюрморт благополучия: свежавыжатый сок цвета апельсинового заката, хрустящие круассаны, глянцевые фрукты и струящийся дым коварно ароматного кофе.

– Доброе утро, спящая красавица, – промурлыкал Александр с напускной нежностью, водружая поднос на прикроватный столик, словно поднося дары богине. – Как ножка?

Я молчала, отвернувшись к окну, за которым лениво просыпался поселок. Они знали, чем меня можно купить, хотели подсластить пилюлю, усыпить мою бдительность своей заботой. Наивные... Это все в моей жизни уже было, с мужем. И я очень хорошо знаю вкус этого обманного благополучия.

– Мы искренне надеемся, что ты отдохнула и готова обсудить наши дальнейшие планы, – вкрадчиво продолжил Марк, присаживаясь на край кровати, как хищник, примериваясь к жертве. – Мы хотим, чтобы ты наконец поняла, Лизонька, что все, абсолютно все, что мы делаем, – исключительно ради твоего блага.

Я медленно повернулась к ним, обжигая взглядом сначала одного, потом другого. В их глазах не было и искры раскаяния, ни капли сожаления – лишь монолитная уверенность в собственной непогрешимости.

– Планы? Правда? – выплюнула я с ядовитым сарказмом. – А вас не тревожит, что мои планы могут радикально отличаться от ваших? Например, на сегодня у меня запланировано свидание в полицейском участке и написание заявления об угрозах лишения свободы... с подробным описанием ваших «заботливых» методов воздействия.

Лицо Александра мгновенно посерело, как от удара, а Марк нервно усмехнулся, обнажив краешек белых зубов.

– Полиция? – протянул Марк, словно пробуя слово на вкус. – Малышка, ты серьезно думаешь, что это поможет? Мы же просто... оберегаем тебя, Лиза. И потом, уверена ли ты, что хочешь поднимать подобный шум и все это выносить на публику? Это же так... некрасиво.

Я знала, что они рассчитывают именно на мой страх перед оглаской, на боязнь скандала. Но на этот раз они основательно просчитались.

– Мне плевать, – отрезала я, почувствовав, как в жилах закипает ледяная решимость. – Я больше не собираюсь задышаться от ваших столичных игр. Если понадобится, я прокричу на весь мир, какие вы извращенцы. И поверьте, мне поверят.

Александр рывком поднялся с кровати, его глаза, казалось, метали настоящие молнии.

– Ты переходишь все границы, Лиза, – прорычал он сквозь стиснутые зубы. – Не испытывай наше терпение. Подумай о последствиях. О том, что может случиться...

– Это вам стоит задуматься, – парировала я, не дрогнув ни единым мускулом. – Потому что если вы еще раз попытаете мне угрожать, я не остановлюсь ни перед чем. Я пойду до конца!

В комнате повисла вязкая, зловещая тишина, прорезанная лишь клопочущим звуком моего дыхания. Я смотрела им прямо в глаза, не отводя взгляда, и впервые за долгое время ощутила, как хрупкий контроль над ситуацией переходит в мои руки. И вдруг в глазах мужчин, в их властных позах, злость начала уступать место чему-то более страшному, более холодному и расчетливому. А в голосе Марка появилась леденящая душу хрипота.

– Ну, все... Ты доигралась, малышка. Идем до конца! Ты обещала! – процедил он сквозь зубы, и это прозвучало как приговор.

Они медленно нависли надо мной и опустились рядом. Легкое прикосновение теплых мужских пальцев коснулось моего плеча, вызвав дрожь отчаяния, смешанную с первобытным страхом. Взгляд Марка, еще недавно искрившийся злостью, теперь заволакивала пелена хищного вожделения. Александр, словно очнувшись от морока, скользнул взглядом по моему лицу, и я увидела в нем отблеск сожаления, мимолетную тень раскаяния, тут же похороненную под маской твердой решимости.

– Мы не хотим причинять тебе боль, Лиза, – прошептал Александр почти умоляюще, его голос, как змеиное шипение, просачивался в сознание. – Но ты должна понимать, что есть вещи, которые неизбежны.

Марк притянул меня за руку, прижимая к себе с такой силой, что в ребрах кажется что-то хрустнуло. Его губы коснулись моей шеи, оставляя на коже мокрый, липкий след. Я попыталась оттолкнуть его, вырваться из объятий, но его хватка оказалась железной, лишавшей всякой надежды на спасение. В этот момент я почувствовала себя не просто жертвой, а марионеткой, игрушкой в их руках, лишенной воли и права на собственную жизнь.

Александр тем временем медленно стягивал мою шелковую пижаму, его движения были нарочито нежными, словно он пытался сгладить ужас происходящего. Я чувствовала, как страх подступает к горлу, смешиваясь с безумным желанием закричать, позвать на помощь, но в горле словно образовался ком, лишавший меня голоса.

В комнате воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь моим учащенным дыханием и тихим шепотом Александра, произносящего сладкие, обманчивые слова, словно заклинание. Я отчаянно пыталась найти в себе силы сопротивляться, сохранить хоть каплю достоинства, но их натиск был слишком сильным, их власть над моим телом – абсолютной. И я знала, что в этот момент, в этой комнате, я проиграла.

В отчаянии я закрыла глаза, стараясь отгородиться от происходящего, погрузиться в беспamięтство, лишь бы не чувствовать смелые прикосновения двух мужчин, не слышать лживые шепотки. Но сознание упрямо отказывалось отключаться, подбрасывая страшные картины возможного будущего – беспросветного, унижительного, лишённого надежды. Я почувствовала, как слезы предательски потекли по щекам, смешиваясь с поцелуями Марка, и от этого унижение стало еще невыносимее.

Внезапно что-то изменилось. Я ощутила, как хватка Марка ослабевает, а прикосновения Александра становятся более неуверенными, словно они почувствовали что-то неладное. Я открыла глаза и увидел в их лицах не только похоть, но и какое-то замешательство, испуг. Они отстранились от меня, переглядываясь друг с другом, словно пытаясь понять, что произошло.

И тут я услышала звонок в дверь. Громкий, настойчивый, разрывающий давящую тишину. Александр и Марк застыли, как парализованные, словно этот звонок был сигналом к неминуемой расплате. Я воспользовалась их замешательством и рывком оттолкнула от себя Марка. Вскочила с кровати и бросилась вниз, к входной двери, накинув халат. Не разбирая дороги, я выскочила в коридор и прокричала, словно раненая птица:

– Кто там?!

– Участковый. Откройте, пожалуйста, – донесся сдержанный голос из-за двери.

Сердце рвалось из груди, бешено колотясь о ребра, словно пленник, жаждущий свободы. Участковый... Неужели это судьба подарила мне шанс вырваться из липких объятий кошмара? Отступать было некуда, хотя уверенности не было и в помине. Словно в замедленной съемке, я подошла к двери, с трудом провернула неподатливый замок и распахнула ее.

На пороге застыл молодой мужчина в форме, с усталым, но цепким взглядом. Его появление казалось болезненной галлюцинацией, призрачным сном, грозящим развеяться в любой

момент. Александр и Марк, словно замершие изваяния, не издавали ни звука. В доме воцарилась полная тишина. Я сосредоточилась на участковом, пытаюсь разгадать его намерения.

– Добрый день, – произнес он ровным, словно отчеканенным голосом. – Простите за беспокойство, но в вашем районе произошло трагическое событие. Мы проверяем, не замечали ли вы чего-нибудь подозрительного? Незнакомых лиц, странных автомобилей?

Я впиалась взглядом в его лицо, пытаюсь прочесть между строк. Вопрос был как нельзя кстати, словно брошенный спасательный круг. Это был мой шанс, но я ощущала необъяснимую, животную неприязнь к этому человеку. В нем было что-то хищное, мертвенное, отталкивающее. А самое главное, он тоже думал, что это мой дом. Ведь если он участковый, то должен знать, что это не так!

– Нет, не видела, – прозвучал мой голос, на удивление твердый и уверенный.

– Вот моя визитка, – отрезал он, протягивая мне кусочек картона. – Если что-нибудь вспомните, сообщите.

– Хорошо. И калитку за собой прикройте плотнее, – добавила я, захлопывая дверь перед его носом.

Прислонившись спиной к холодной поверхности, я сползла на пол, ощущая, как предательски дрожат ноги. Незнакомец в форме участкового... Кто он? Спаситель или искусная марионетка в чужой игре? Мои «заботливые» надзиратели наверняка наблюдали за каждой его репликой, каждым жестом. В голове бились обрывки мыслей, как стая перепуганных птиц, не находя выхода. Нужно бежать. Срочно. Но куда? В Москву? Одна мысль об этом вызывала отвращение. И потом, сколько денег я отдала за аренду этого дома!

Осторожно выглянув в коридор, я увидела лишь зловещую тишину. Только узкая полоска света пробивалась из-под двери моей комнаты, где, словно хищники в засаде, затаились Александр и Марк, выжидая удобный момент.

– Ты все сделала правильно, – неожиданно прозвучал сверху голос Марка, пропитанный ехидством. – Это волк в овечьей шкуре.

– Говорил я тебе, что это она, – произнес Марк, спускаясь с мансарды. – А ты: «Не может быть!» Убедился?

– Похоже, ты прав, – отозвался Александр.

– Анжелика спит с Палычем, а это его цербер для грязных дел, – проговорил Марк, заходя на кухню. – Ищет нас. Видимо, у него приказ.

Он извлек из холодильника бутылку виски, щедро наполнив два стакана.

– За нашу живучесть, – провозгласил он, поднимая стакан. Александр машинально повторил его жест, осушив содержимое одним глотком. – Отец бы нами гордился.

– Что будем делать? – спросил Александр, опуская пустой стакан на стол.

– Ждать, разумеется. Но сперва... душевный разговор с нашей хитрой хозяйкой, – усмехнулся Марк, направляясь к двери. Александр последовал за ним.

Я поднялась с пола, дрожа от ледяного озноба. Нужно собраться, вырвать у судьбы хоть миг, чтобы опередить их, что-то придумать. В голове клубились обрывки планов – безумных, отчаянных, но, казалось, единственно возможных. Растопить баню. Проверить сумки. Не упустить ничего ценного и бежать отсюда. Марк и Александр смотрели на меня с нескрываемым интересом и... даже восхищением? Я тщетно пыталась прочесть в их глазах хоть какую-то подсказку.

– Ты молодец, Лиза, – произнес Марк, медленно приближаясь. – Сыграла отлично. Но партия еще не окончена. А теперь ответь, почему ты ему ничего не сказала, девочка? – он многозначительно замолчал, и даже мое окаменевшее сердце содрогнулось.

– Не поверила, – тихо ответила я.

– Почему? – протянул Александр.

– Вы его лицо видели? Он больше похож на палача, чем на участкового, – сухо отрезала я. – В баню хотите?

– А то! – хором ответили мужчины.

ГЛАВА 8

Я невольно усмехнулась, любуясь тем, как тает на их лицах налет хищной самоуверенности. В глазах плескалось неподдельное удивление, приправленное мужским восторгом. Похоже, мне удалось их ошеломить. Резкий поворот событий, дерзкое предложение появиться в бане после всего пережитого – все это сбило их с толку. И эта растерянность играла мне на руку.

– Хорошо, танцуем под мою дудку, – прошептала я одними губами, стараясь унять дрожь в голосе. – Сейчас главное – выиграть время, отвлечь их внимание, чтобы осуществить задуманное.

Мой план был прост: отправить их в баню, а самой, оседлав своего железного коня, умчаться прочь. Черт с ней, с этой огромной платой за неделю в арендованном доме. Девичья честь дороже! А деньги – дело наживное...

– Идите, растапливайте, – громко произнесла я, стараясь придать голосу непринужденную легкость. – А я принесу простыни и полотенца.

Они обменялись взглядами, словно телепатически совещаясь, но возражений не последовало. Марк продолжал сверлить меня взглядом, полным подозрения, словно ожидая подвоха. Александр же, напротив, казался более расслабленным и даже заинтересованным.

– Ладно, поработаем, – наконец согласился Марк. – Только, думаю, в баньку нам стоит с тобой вместе сходить. Не хочется тебя одну отпускать. Мало ли что...

Я лишь пожала плечами, скрывая внутреннее напряжение. Главное, чтобы они не почувляли мой страх. Впереди долгая и опасная игра, и любая ошибка может стать фатальной.

Два часа спустя баня, словно затерянный ковчег, приютилась на краю обрыва, маня теплом и уютом в этой снежной пустыне. Бревенчатые стены, запорошенные инеем, будто шептали о тайнах, сокрытых внутри, а из трубы вился дымок, приглашая войти и согреться душой и телом. Внутри царил атмосфера, контрастирующая с окружающей ледяной стихией: обжигающий пар, пьянящий аромат свежего дерева и трав, приглушенный свет, создающий интимную обстановку.

Я вышла из дома и направилась к бане, утопая по колено в пушистом снегу. Марк шел впереди, неся охапку дров, а Александр неотступно следовал за мной, не отрывая взгляда. Я старалась идти ровно, сохраняя невозмутимое лицо. Каждый шаг, каждое движение были выверены и продуманы до мелочей. В руках я несла поднос с закуской и бутылку виски – такова была просьба Марка.

Внутри было действительно тепло и уютно. Печь, облицованная камнем, благоговейно потрескивала поленьями, наполняя помещение мягким, обволакивающим теплом. На полке были аккуратно сложены полотенца и шапки для бани. Веники из дуба источали тонкий, опьяняющий аромат.

– Ну что, наслаждайтесь. Я после вас, – произнесла я, стараясь казаться непринужденной.

– Ну уж нет, – неожиданно заявил Марк и захлопнул дверь, преграждая мне путь. – Сейчас парилка, а потом поговорим по душам. Чувствую, без этого дружба у нас не завяжется.

– Марк, ты серьезно? У вас какие-то сомнения? – попыталась я сыграть на их чувствах, хотя сама не верила ни единому слову. – Думала, мы доверяем друг другу. Зачем эти глупости? Я же ясно дала понять, что мы в одной лодке, но в постель к вам не собираюсь.

Александр молчал, внимательно наблюдая за разворачивающимся спектаклем. В его глазах читалась сложная смесь любопытства и недоверия. Он колебался, не зная, чью сторону принять.

– Доверие – это хорошо, Лиза. Но, как говорил один мой знакомый: «Доверяй, но проверяй». Особенно, когда дело касается такой... проблемной хозяйки, – ехидно ответил Марк,

не отводя от меня взгляда. – Не обижайся, девочка, но у нас есть все основания сомневаться в твоей искренности. Лично я краем глаза заметил твои собранные сумки.

– Ладно, делайте что хотите, – устало произнесла я, понимая, что спорить бесполезно. – Могу оставить вам дом, а сама перетопчусь где-нибудь в другом месте.

– Нет, – отрезал Марк. – Ты останешься с нами. Насиловать не будем. Обещаю. Но если сама попросишь, то я не откажу. Паримся, как друзья. Договорились?

В бане повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в печи. Марк медленно начал раздеваться, играя мускулами, и я невольно сглотнула. Его тренированное тело было безупречным. Такого рельефа я у своего бывшего мужа не видела, а других мужчин у меня никогда не было. На мгновение потеряла дар речи, рассматривая эту гору мышц с ярко выраженными кубиками на животе, украшенную искусными татуировками. Александр последовал его примеру, по-прежнему храня молчание. Я же осталась стоять у двери, ощущая, как предательски дрожат коленки. Нужно успокоиться и срочно придумать новый план. Этот, похоже, провалился.

– Хорошо, – кивнула я, стараясь казаться спокойной.

Сбросила безрукавку и свитер, начала расшнуровывать ботинки. В голове лихорадочно роились мысли о плане побега. Сейчас главное – выиграть время, отвлечь их внимание, создать благоприятную ситуацию, а там незаметно улизнуть в дом под любым предлогом, а оттуда – в машину и бежать, бежать, бежать... Баня – это шанс, пусть и призрачный. Шанс на спасение от соблазна им уступить.

Притворившись покорной, я ощущала, как клокочет ярость. Сбросив ботинки, следом – джинсы, я осталась лишь в кружевном белье цвета ночи. Простыня, смятая в руках, стала подобием щита. Парни уже заняли верхний полок, и я замерла в дверях парилки, словно загнанный зверь. Марк окинул меня взглядом, от которого по коже побежали мурашки, иронично вскинув бровь. Александр, напротив, словно стыдясь, избегал моего взгляда, прячась в тени.

Поднявшись на полок, я старалась вжаться в самый угол, кутаясь в простыню. Обжигающий жар проникал под кожу, но он же и возвращал ясность мыслям. Нужно срочно что-то придумать, пока они не перешли к действиям. «Друзья»... Это слово звучало сейчас как издевательство.

– Может, поддадим парку? – сладко пропел Марк, а в его голосе змеилась двусмысленность. – У меня тут веничек дубовый, ух!

Он взмахнул веником, обводя им мою фигуру, словно прицеливаясь. Меня пробрала дрожь. Холодный страх сковал тело, но приходилось играть роль. Бороться бесполезно. Нужно притвориться слабой, пока не появится шанс.

– Давай, – ответила я, стараясь придать голосу беззаботность. – Только не сильно. Я же не привыкла к таким зверствам.

Марк ослабился, словно хищник, учуявший добычу, и принялся легонько похлестывать меня веником. Жар становился невыносимым, мысли спутались, но я отчаянно цеплялась за остатки самообладания. Баня – это шанс, хоть и призрачный. Шанс на спасение, на бегство. Нужно лишь дожждаться подходящего момента.

– А теперь ты. Оторвись на мне, малышка! – сказал он с очаровательной улыбкой.

Затем Марк вальяжно развалился на полке и, насмешливо глядя на меня, протянул мне веник, подставляя свою широкую спину под мои робкие удары. Александр по-прежнему хранил молчание, лишь изредка бросая на меня исподлобья тяжелые взгляды.

Я сосредоточилась на Марке, пытаюсь унять дрожь в руках. Каждое прикосновение веника к его горячей коже вызывало странное смешение чувств – азарт, граничащий с ужасом, и какое-то первобытное волнение. Его тело, словно высеченное из камня, играло каждым мускулом, напоминая о его силе и опасности.

Постепенно, словно подчиняясь чужой воле, я начала входить во вкус. Веник хлестал сильнее и увереннее, пар обжигал кожу, но уже почти не пугал. Я отдалась ритму, движениям, стараясь отвлечься от мыслей о том, что ждет меня дальше. Марк застонал от удовольствия, его тело расслабилось, веки опустились.

Александр оставался неподвижным, наблюдая за нами с мрачной отстраненностью. И вдруг меня осенило – а что, если попарить и Александра? Может, это разрядит обстановку, ослабит его бдительность?

Я переключила внимание на Александра. Он, на удивление, без сопротивления согласился. Его тело оказалось таким же сильным и рельефным, как и у Марка, но более нервным, напряженным. Под моими прикосновениями он вздрогнул, и я почувствовала, как его мышцы каменеют. Я парила его с особенной старательностью, словно выбивая веником его страхи и подозрения.

И вдруг, неожиданно для себя, я ощутила странную волну удовлетворения. Власть? Контроль? Или просто ощущение собственной силы? Я не знала. Но в этот момент я перестала бояться. Я почувствовала себя равной им, даже выше. И это давало надежду. Теплившуюся, но такую необходимую.

Когда пришло время выходить из бани, я чувствовала себя совершенно другой. Внутри поселились уверенность и хладнокровие, я была готова к любым испытаниям. Я понимала, что игра еще не окончена. Но теперь я знала, что могу в нее играть. И, возможно, даже выиграть.

– А теперь давай поговорим, – произнес Марк, усаживаясь за грубый деревянный стол в комнате отдыха и разливая янтарный виски по хрустальным бокалам. – Думаю, у тебя накопилось много вопросов, и нехорошо, что мы уклоняемся от ответов.

– Вы посидите, а я схожу на минутку в дом, – произнесла я, стараясь говорить непринужденно.

– Зачем? – тут же настороженно спросил Марк, отчего-то сразу напрягшись.

– В туалет, – ответила я, стараясь не выдать волнения.

– А чем тебя этот не устраивает? – спросил он, ткнув пальцем в небольшую дверь, приоткрытую в углу комнаты отдыха. Я замерла. Поймал! Как я могла не знать о существовании санузла в «моих» хоромах?

– Я... стесняюсь, – пробормотала я, чувствуя, как щеки заливают краска.

– Ну и зря. Иди давай, – подтолкнул он меня к двери. – В этот.

Насмешка на лице Марка была неприкрытой, он явно наслаждался моим замешательством. Александр молчал, но его взгляд, тяжелый и изучающий, был прикован ко мне. Я понимала, что загнала себя в угол. Отступать было некуда.

– Хорошо, – пробормотала я, стараясь не выдать своего отчаяния.

С этими словами я направилась к заветной двери, чувствуя, как Марк прожигает меня взглядом. Зайдя в тесную кабинку, я первым делом проверила, есть ли окно. К сожалению, его не было. Лишь зеркало, необходимые сантехнические приборы, тусклая лампочка, да резкий запах хвой и дешевого освежителя воздуха.

Быстро приведя себя в порядок, я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. В голове лихорадочно роились мысли. Нужно придумать что-то, чтобы вырваться из этой ловушки. В любом случае, сейчас главное – выиграть время.

Выйдя из санузла, я постаралась улыбнуться как можно более непринужденно. Марк и Александр уже ждали меня за столом, наполняя бокалы виски. В воздухе висело напряжение, которое можно было резать ножом. Я понимала, что сейчас, возможно, решится моя судьба.

– Лиза, мы не бандиты, – начал Марк, делая вид, что говорит искренне. Ну да, конечно, а я – королева Англии! Бандитов хоть в тюрьме держат, а вас, таких циничных хулиганов, и не посадишь!

– Мне от этого не легче, – спокойно ответила я. – Объясните тогда, что происходит, – продолжила, опускаясь на скамью напротив них.

Александр наконец подал голос, хрипло буркнув:

– Ты многого не понимаешь. Мы все – дети одного отца. Непростого отца. И еще у нас есть сестра. Отец сейчас в больнице. Инфаркт. Вот, в его отсутствие наша милая сестренка, видимо, решила избавиться от конкурентов на наследство.

– Занятная у вас сестренка, – съязвила я, стараясь скрыть охвативший меня ужас.

Марк откинулся на спинку скамьи, скрестив руки на груди.

– У нас и отец еще тот шутник. Мы все – дети от разных женщин, – сухо констатировал он, словно сообщал незначительную новость.

Машинально приняв протянутый бокал, я задумчиво крутанула его, наблюдая за пляской янтарных бликов. «Конкуренты на наследство...» – слова Марка, словно отголоски недавней интернет-изысканий, эхом прокатились в голове. Получается, я – всего лишь пешка в их игре! Случайная пешка, и цена за наше знакомство – жизнь, если, конечно, их найдут... то и меня заодно...

– И какое отношение ко всему этому имею я? – вопрос прозвучал на удивление ровно, несмотря на бушующий внутри ураган. Александр прищурился, словно сканируя, пытаюсь разгадать, что творится у меня в голове.

– Ты нас спасла, Лиза. Наша дражайшая сестрица жаждет нашей крови и времени у нас не очень много пока наша охрана дежурит у отца в больнице. А начальник отцовской службы безопасности – ее любовник. Так что охота идет серьезная. Но скоро все встанет на свои места, – заверил он.

Нервный смешок сорвался с моих губ.

– Вы серьезно?

Марк опасно наклонился вперед, сокращая дистанцию до критической.

– Поэтому сидим тихо здесь и не отвечаем. Кому нужно, тот сам скоро нас найдет, – загадочно обронил он. – Никто отсюда раньше времени не уйдет.

Внутри все клокотало от ярости и бессилия. Спасла их? Да я сама нуждаюсь в спасении! Какого черта меня угораздило вляпаться в эти семейные дразги! «Сидеть тихо» – ага! Пока эти двое строят воздушные замки, их милая сестрица вполне может прислать сюда армию головорезов. Нужно что-то придумать. Срочно.

Сделав большой глоток виски, я попыталась унять предательскую дрожь в руках. Обжигающая жидкость опалила горло, но немного привела в чувство. Нужно мыслить хладнокровно. Если верить их словам, они ждут подмогу. Но сколько ждать? И кто даст гарантию, что их «подмога» не играет на стороне сестрицы? Слишком много «если», чтобы просто сидеть и ждать у моря погоды.

Взгляд скользнул по окружающей обстановке: грубый деревянный стол, лавки, дверь в злополучный санузел. И два подозрительных взгляда, буравящих меня. Вряд ли эти ребята позволят мне просто так выйти отсюда. Значит, нужен план. Хитрость. Скорость. Вот мои единственные союзники в этой игре на выживание.

– Хорошо, – стараясь придать голосу уверенность, произнесла я. – Я понимаю, ситуация серьезная. Но у меня есть условие. Мне нужны гарантии, что вы не тронете меня.

Марк и Александр обменялись красноречивыми взглядами. Было очевидно, что они не привыкли к тому, что им ставят условия. Но в глубине их глаз мелькнуло сомнение. Похоже, им действительно нужна моя помощь. И, возможно, это мой единственный шанс вырваться из этой клетки. Мелькнула мысль, что мне даже немного жаль их. Вот она, жизнь богатых и знаменитых. Сегодня ты на коне, а завтра – под конем. Расплата за красивую жизнь... Последствия...

– А теперь расскажи нам свою историю. Кто ты, малышка? – с неприкрытым интересом спросил Марк.

– Зачем вам это? – настороженно пробормотала я.

– Хочу знать, – с нажимом ответил Марк. – Например, сколько тебе лет?

– Неприлично задавать такие вопросы даме, – усмехнулась я.

– Кому неприлично, тот пусть и молчит, а мне необходимо знать, – проворчал он. – Думаю, где-то двадцать пять.

– Ошибаешься. В наступившем году мне исполнится тридцать, если доживу. На днях я развелась, прожив с мужем десять лет, – произнесла без тени сожаления.

– Да он просто идиот, твой бывший, – изумился Александр.

– Нет. Он замечательный, добрый человек, но его любовница беременна и жаждет узаконить их отношения, – с иронией пояснила я.

– Значит, такой же, как наш отец. Злой шутник по жизни, – процедил Марк.

– И что же ты собираешься делать дальше? – Александр смягчился, а в голосе его сквозило сочувствие.

Я лишь пожала плечами, тихим эхом отозвавшись:

– Жить...

Уголок губ Марка дернулся в горькой усмешке.

– Мы тоже, – прозвучало в его словах эхо надежды, и он одним махом осушил стакан с янтарным виски, словно пытаясь заглушить боль своих воспоминаний.

В образовавшейся тишине, густой и тягучей, каждый из нас погрузился в омут своих мыслей, в бездонные глубины личных трагедий и несбывшихся надежд. Меня предал муж, когда-то родной мне человек. А их сестра, объявившая на них охоту ради наследства. Тишина давила, как гнет могильной плиты. Каждый из нас стал заложником обстоятельств, жертвой чужих амбиций и собственной наивности. Я – в погоне за иллюзией семейного счастья, они – в паутине интриг и вражды, сплетённой их же кровной сестрой.

«Жить...» - эти слова прозвучали как вызов, как клятва, данная самой себе. Но как жить, когда вокруг рушатся стены, когда каждый шаг может стать последним? В голове роились мысли, обрывки планов, сценарии моего побега, который уже не казался хорошей идеей. Сейчас такой поступок с моей стороны пахнул бегством с тонущего корабля. А крысой я никогда не была!

– Знаете, время – мудрый творец, – сказала, как будто сорвав покров с тишины, – оно пишет свои картины неспешно, но верно.

Братья, словно два настороженных хищника, вскинули головы, в их взглядах застыло удивление. Внутри меня бушевал шторм, но я, словно скала, старалась удержать на лице маску невозмутимости.

– Это точно, – задумчиво произнес Александр.

– Оставайтесь здесь. Пусть время расставит все по своим местам, – произнесла я и пошла в дом.

Мой побег, тщательно выпестованный в мечтах, рассыпался прахом. Теперь я знала наверняка: за чертой этого обжитого мирка, в неприветливой реальности, их поджидает смерть. Еще недавно я запаслась провизией на неделю – лишь для себя одной. Но мои незваные гости поглотили почти все запасы, оставив меня с нестерпимым чувством долга и необходимостью завтра отправиться в магазин.

ГЛАВА 9

Вечером мы сидели в гостиной под шум телевизора, по которому страна второй день праздновала наступление нового года. На экране мелькали лица знаменитостей, взрывались фейерверки, звучали поздравления. Но ничто не могло заглушить моего внутреннего напряжения.

Марк и Александр были аккуратны во всем. Теперь я стала это замечать. Они то и дело переглядывались и прислушивались к каждому шороху за окном. Я же пыталась казаться спокойной, хотя внутри всё кипело от неопределенности.

Я молча наблюдала за ними, понимая, что их настороженность вполне обоснована. Они, как загнанные в угол звери, готовы были на всё, чтобы выжить. Но я не бандит и не гангстер – я никогда в жизни не оказывалась в опасных ситуациях, тем более на грани жизни и смерти. И всё же я чувствовала, что не могу их бросить. Не сейчас, когда они так остро нуждаются в посторонней помощи.

– Может, сыграем в карты на раздевание? – произнес Марк, с деланным безразличием, будто предлагал обсудить погоду.

– О, прекрасная идея! – воскликнул Александр с энтузиазмом, от которого у меня едва не выпала челюсть. – А ещё лучше – в бутылочку! Будет так... свежо и невинно.

– Вы издеваетесь? – процедила я, чувствуя, как желчный смех щекочет горло. – Чтобы я сама поднесла вам оправдание на блюдечке с голубой каемочкой?

Братья обменялись взглядами, в которых плескалось нечто похожее на заговор. Марк нарочито откашлялся, стараясь сбить градус напряжения:

– Да ладно тебе, Лиза, полегче! Просто пытаемся хоть искру юмора высечь из этой безнадеги, в которой оказались. Нервы у всех натянуты, вот и балагурим, как умеем. Не хочешь же ты, чтобы мы тут совсем в уныние впали? Говорят, Лизуня, в таких ситуациях юмор только на пользу идет, как и секс.

Александр тут же подхватил, словно заговорщик:

– Да, прости, Лиза, если наши попытки шутить кажутся тебе кошунственными. Просто другого способа выгрести из этого дерьма у нас нет.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как закипающее раздражение вновь берет верх. Но, в сущности, они правы. Поддаваться панике сейчас – верный путь в никуда. Нужно зацепиться за остатки разума и искать выход.

– Ладно, проехали, – буркнула я, стараясь унять дрожь в голосе. – Можете вызвать эскортниц и смыться в баню, раз вам так не в моготу. Деньги есть, или одолжить?

На лицах мужчин отразилось неподдельное замешательство, граничащее с растерянностью. Они застыли, переваривая услышанное.

– Зачем нам девицы, Лиза? – протянул Марк с лукавой улыбкой, подмигнув мне. – Хотя баня – идея соблазнительная, отрицать не стану. Но только в твоей компании.

Александр энергично закивал, поддерживая брата:

– Точно, не до девиц сейчас. Может, лучше кино какое посмотрим? Что-нибудь совсем примитивное, чтобы мозги смогли вздохнуть. У тебя же наверняка завалилась какая-нибудь комедия, а лучше порнушка?

Я закатила глаза. Право слово, они как мальчишки, со своими неуклюжими попытками флирта. Хотя, признаться, их ребячество немного отвлекало от гнетущей реальности.

– Ладно, уговорили, – сказала я, поднимаясь с дивана. – Сейчас поищу что-нибудь подходящее. Но если еще раз заикнетесь о стриптизе – выкину вас обоих за дверь в одних трусах.

– А вот это нечестно, – отозвался Марк.

Я подошла к полке, забитой дисками, и начала перебирать их, надеясь найти что-то легкое и ненавязчивое. В конце концов, мой выбор пал на старую комедию с проверенным юмором. Надеюсь, она поможет нам хоть ненадолго забыть о том, что за окном бушует не только новогодняя ночь, но и смертельная опасность.

Комедия оказалась на удивление удачной. На лицах мужчин промелькнули улыбки, а напряжение в комнате ощутимо спало. Александр даже позволил себе несколько раз от души расхохотаться, за что тут же получил шуточный тычок в плечо от Марка. Я и сама поймала себя на том, что улыбаюсь, глядя на их беззаботные лица. На какое-то время мы словно выпали из реальности, забыв о преследующей нас тени.

Было странно и немного неловко лежать в полумраке между двумя мужчинами и смотреть фильм. Когда комедия закончилась, в комнате повисла тишина. Марк шумно зевнул и потянулся, словно ленивый кот. Александр задумчиво уставился в потолок. Я чувствовала, как тяжелые мысли снова подступают, заполняя собой все пространство. Новогодние фейерверки за окном казались насмешкой, напоминая о мирной жизни, которая нам сейчас была недоступна.

– Ладно, пора спать, – сказала я, рассеивая тишину, словно тонкую дымку. – Утро вечера мудренее.

Марк поднялся, его силуэт скользнул в полумраке, и он направился в одну из комнат на первом этаже. Александр безмолвной тенью последовал за ним. Я осталась на диване, выжатая, словно лимон. Что нас ждет? Хватит ли сил выкарабкаться?

– Интересно, выберемся ли мы? – прошептала я в пустоту.

Поднявшись, я погасила свет и, крадучись, проскользнула в свою комнату на мансарде. Новый день, новая битва. Но стоило мне коснуться подушки, как я поняла, что в моей постели кто-то есть. В клубящейся тьме я не заметила его сразу. Резким движением меня притянули к себе, заключая в крепкие объятия, и мужские губы накрыли мои в требовательном, голодном поцелуе. В голове поплыло, когда я узнала запах – Марк. Его губы – горячие, влажные, настойчивые – требовали ответа. Я попыталась отстраниться, но сильные мужские руки, словно оковы, не давали ни единого шанса на бегство.

– Тихо, малышка, не обижу, – прошептал он, и мурашки побежали по моей коже.

– Ты обещал... – прошептала я, чувствуя, как внутри зарождается буря злости.

– Знаю, поэтому и не возьму, пока сама не попросишь, – хрипло выдохнул он, и иронично добавил. – Буду только пытаться...

В этот момент мой мир рухнул. Страсть... Полет... Сила... Всепоглощающая волна, смывающая остатки реальности. Поцелуй становился все более неистовым, заставляя пульс отзываться в каждой клетке тела бешеной дробью. Его язык проник в мой рот, дразня и лаская, разжигая странное, давно забытое пламя.

Разум отчаянно сопротивлялся, кричал о неуместности, о времени, когда глупостям нет места. Но тело, предав разум, жадно откликалось на каждое его прикосновение. Его руки, словно языки пламени, скользнули под шелковые шортики пижамы, обжигая мою кожу. Я застонала, предательски громко, и, услышав этот звук, Марк прижался ко мне еще сильнее.

– Ммм... с ума сойти, – прохрипел он, – Женщина, сотворенная из одних достоинств.

Я чувствовала его возбуждение – не только кожей, но и каждой частичкой сознания. Его твердость, пульсирующая на моей коже, обжигала и порождала желание. Сдаваясь, я ответила на его поцелуй, позволяя ему вести. Каждая клеточка моего тела требовала его. Мои руки зарылись в его волосы, притягивая ближе, углубляя поцелуй. Мир схлопнулся, остались только мы, наши тела и испепеляющая страсть. Забыв обо всем, мы тонули в этом потоке, который захватил нас целиком и полностью. И неважно, какой будет завтрашний день, насколько опасна ситуация и в какую пропасть мы летим. Сейчас есть только этот момент, его вкус на моих губах, его руки на моем теле и наше безумное, всепоглощающее желание попробовать друг друга, пить...

– Разреши, – прохрипел он, отрываясь от моих губ.

Марк обжигал мою шею горячими поцелуями, и я запрокинула голову, молча отдаваясь во власть этого момента. Его губы спустились ниже, к трепещущему животу, и я вскрикнула от удовольствия. Нежный и настойчивый, он был словно искусный музыкант, играющий на моем теле. Мои руки, теряя власть над собой, судорожно сжали простыни, когда его губы коснулись меня там, где еще никогда не касался ни один мужчина. Он творил языком нечто невообразимое, лишая меня зрения, воли, контроля. Будто через меня пропускали самый сладостный ток, пока я не взорвалась, как сверхновая звезда.

В этот момент Марк коснулся поцелуями моих век, и прошептал:

– Ты – самый сладкий грех, что я когда-либо знал, малышка.

Комната дышала электричеством, каждый атом воздуха дрожал в памяти о недавней буре. Я лежала, словно оглушенная громом, пытаюсь собрать ускользающие осколки своего рассудка, вернуть контроль над телом, еще не утратившим отголоски его прикосновений.

Марк, нависший надо мной в полумраке, казался воплощением искушения, темным ангелом, спустившимся ко мне из ночи. В его глазах, обычно лукавых и насмешливых, сейчас плескался первобытный голод, желание обладать и присвоить. Он невесомо коснулся моих волос, отводя непослушную прядь с лица.

– Продолжим? – выдохнул Марк вопрос, в котором сквозил и вызов, и будто бы извинение за ту силу, что сломила меня.

Но раскаяния в его голосе не было, лишь глубина, острый, как лезвие, шепот неуголенной страсти. Я молчала, не находя слов, не понимая, как оценить случившееся. Это было подобно безумному сну, сладкому и пугающему своей нереальностью, из которого не хотелось просыпаться, но который грозил поглотить меня целиком.

– Если ты сейчас же не выйдешь, я вынесу эту чертову дверь! – прорычал голос Александра, словно удар грома. – Мы договаривались, что она делает выбор сама! Без давления!

Я продолжала хранить молчание, не давая согласия на продолжение и вглядываясь в темноту, пытаюсь разгадать его намерения. Марк медленно и неохотно поднялся, оставив меня наедине со своими мыслями. Я следила, как его силуэт тает в полумраке, как он исчезает за дверью, оставляя после себя лишь призрак запаха кожи и терпкий флер дорогого парфюма.

И вдруг, словно раскат запоздалого грома, в коридоре раздался приглушенный шум. Инстинкт, первобытный страх, заставил меня сорваться с постели. Накинув халат, я бросилась вон из комнаты.

Внизу, в гостиной, царил хаос. Злобный Александр и разъяренный Марк сошлись в яростной схватке. На лицах обоих алела кровь. Александр наседали, словно дикий зверь, выпустивший ярость на волю. Его кулаки обрушивались на Марка с неумолимой силой, в глазах пылал испепеляющий огонь. Марк, хоть и превосходил брата ростом, поначалу отбивался неохотно, словно пытаясь оправдаться за содеянное. Темно-красная струйка из разбитой губы Марка смешивалась с выступившим потом, очерчивая линию на подбородке. Александр, не давая ему опомниться, наносил удар за ударом, сбивая с ног.

Я замерла, не в силах вымолвить ни слова. С одной стороны, сердце бешено колотилось, требуя остановить это бессмысленное кровопролитие. С другой – я боялась подойти, спровоцировать еще большую агрессию, стать той искрой, что разожжет пламя еще сильнее. Ярость сгустилась в воздухе, ощутимая, как электрический разряд. Раздался треск разбивающегося стекла – судя по всему, жертвой их ярости стала ваза, стоявшая на журнальном столике. Осколки разлетелись по комнате, словно зловещее предостережение.

Наконец, выждав удобный момент, Марк перехватил руку Александра и, извернувшись, повалил его на пол. Оказавшись сверху, он с силой сжал запястья брата, лишая его свободы.

– Хватит! – прорычал Марк, тяжело дыша. – Ты хоть понимаешь, что творишь?

– Ты предал нашу договоренность! – прошипел Александр сквозь стиснутые зубы, яростно пытаясь вырваться из хватки.

– Мы все по уши в дерьме, Сашка! – отрезал Марк. – И плевать, но я хочу эту женщину! Она моя! И когда мы выберемся из этого ада, она тоже будет только моей! Таких ни с кем не делят, брат!

Воцарилась тишина, тяжелая и гнетущая. В комнате, словно после разрушительного урагана, царил хаос. Я, наконец, очнулась от оцепенения и сделала шаг вперед.

– Хватит, – тихо произнесла я, глядя на них сверху вниз. – Прекратите это безумие.

ГЛАВА 10

Распахнув глаза, я долго лежала, будто пленница своих мыслей, прокручивая в голове обрывки вчерашнего. Навязчивая мысль пульсировала, как воспаленный нерв: они оба безумны. С тех пор как этот проклятый хаос ворвался в мою жизнь, привычный мир перевернулся, как песочные часы. Выживание мутировало в какую-то первобытную вакханалию. Вчерашний вечер – сюрреалистический кошмар, где хрупкие осколки разума тонули в бушующем море плоти и ревности.

Поднявшись, я ощутила ноющую боль в каждой мышце, как после тренировки. Крадучись, будто по минному полю, я направилась в ванную, отчаянно стараясь не думать о том, что ждет внизу. В тусклом зеркале отражалась бледная тень – измученная девушка с фиолетовыми полумесяцами под глазами. Тяжелый вздох сорвался с моих губ. Ополоснув лицо ледяной водой, я попыталась унять дрожь воспоминаний. Нужно положить этому конец, иначе этот порочный круг разрушит нас всех.

В гостиной царил давящая тишина. Марк, словно пригвожденный к окну, сжимал в пальцах чашку, устремив взгляд в пустоту улицы. На скулах его багровые отблески недавней битвы: рассеченная губа, расплывающийся синяк. Александр, с угрюмым видом, возился у плиты, готовя что-то на скорую руку. Его движения были нервные, прерывистые, как у загнанного зверя, готового к прыжку.

– Доброе утро, – прошептала я, словно боясь разрушить хрупкое равновесие.

Оба мужчины вздрогнули и обернулись на меня. В их глазах проскользнуло испуганное замешательство.

– Садись, – глухо процедил Александр, указывая на стул.

Марк молча кивнул, не отрывая взгляда от пейзажа за окном. Густое напряжение повисло в воздухе, предвещая грозу. И я знала, что она неизбежна.

Я села, избегая смотреть на них. На столе были обгорелая яичница и тосты, небрежно измазанные джемом. Александр поставил передо мной тарелку, избегая зрительного контакта. Аппетита совершенно не было.

– Нам нужно поговорить, – произнесла я, отодвинув еду. – То, что происходит, неправильно. Мы должны думать о выживании, а не об... этом.

Марк оторвался от окна, бросив на меня вызывающий взгляд.

– Лично я ни о чем не жалею, малышка. Это сильнее меня, – отрезал он.

– И меня тоже, – пробормотал Александр, потупившись.

Я покачала головой.

– Дело не во мне. Дело в нас. Мы должны быть командой. И если для этого придется отказаться от... всего, что случилось вчера, значит, так тому и быть. Вы не можете ссориться из-за девчонки.

Тишина сгустилась, нарушаемая лишь легким потрескиванием дров в камине. Я ждала, затаив дыхание, готовая к любому исходу, но в глубине души надеясь, что они услышат меня.

Александр нарушил молчание первым, шумно выдохнув.

– Ты права, – пробормотал он, глядя в стол. – Мы повели себя как идиоты. Это... стресс... и... ты.

Марк продолжал смотреть на меня, но лед в его глазах дрогнул, уступая место чему-то похожему на тепло.

– Ладно, – сдался он. – Я согласен. Команда, так команда.

Я почувствовала, как тяжелый груз сваливается с моих плеч.

– Спасибо, – тихо сказала я обоим.

Но понимала, что одними словами дело не решится. Вчерашний вечер оставил глубокий след, и раны ревности и похоти заживут не скоро. Потребуется время, терпение и, возможно, немалые усилия, чтобы вернуть утраченное доверие и вернуться к тому, что было... до хаоса. Но смотря на взъерошенные волосы Марка я почему-то с сожалением отметила что расстроена тому как быстро он уступил.

– Я в магазин, – бросила через плечо и шагнула в коридор. – Нужно пополнить запасы.

В этом надломленном мире даже малейшие житейские заботы теперь обрели вес неподъемных камней. За окном плелась серая, выцветшая лента утра, напоминающая о неизбежном похмелье после пышного, но теперь далёкого праздника. Достигнув ближайшего магазина, я с тоской вздохнула: он работал. Внутри, к счастью, почти никого не было. Скупая провизию – консервы, крупы, несколько видов овощей и молочные продукты – напряженно всматривалась в окружающее меня пространство. Я брала всё самое необходимое, с учетом того, что тащить добычу придется на себе.

На кассе маячила женщина с мокрыми от слез глазами. Взгляд ее был полная, беспросветная безнадега.

– Что-то случилось? – мимоходом спросила я, выкладывая немудреный набор на ленту.

– Ох, и надоели же эти... – она кивнула в сторону черных, хищно припаркованных у входа внедорожников. – С нового года как приехали – только и делают, что выспрашивают, вынюхивают, хамят...

Меня словно ледяной волной окатило. Как же мне повезло, что эта женщина обратила мое внимание, как удачно, что мои мужчины не последовали за мной, как собирались. Да, они безумны, они дерутся не на жизнь, а на смерть, они ревнивы до иступления. Но они есть друг у друга. А эти... эти чужаки пришли именно за ними. Выскользнув из магазина, я исподтишка, как могла, зафиксировала номера машин и лица непрошенных гостей и поспешила в дом.

Они ждали меня у окна. Оба. Лица были измучены тревогой, а плечи напряжены. Два волка, стерегущие свою берлогу. Мою берлогу. И в этом внезапном ощущении защиты, в этой зыбкой уверенности в том, что я не одна, я вдруг нащупала что-то глубинное, подлинное. То, за что стоит драться. За выживание.

– У меня для вас новости, – выпалила я с порога. – В поселке чужие. Ведут себя как хозяева жизни.

Достав телефон, я вывела вереницу снимков на экран. Марк процедил сквозь зубы ругательство, а лицо Александра омрачилось еще сильнее. В их взглядах застыла хищная, неистовая решимость.

– Значит, Анжелика не прекратила своей охоты, – прошипел Марк, сжимая кулаки до побелевших костяшек.

– И использует отцовскую охрану... Значит, он все еще не пришел в себя, – проговорил Александр, нервно расхаживая по комнате, словно зверь в клетке.

Волна ледяного ужаса поднялась из глубин моей души.

– Вам нужно бежать... пока не поздно, – прошептала я, чувствуя, как ноги теряют опору. Но они лишь покачали головами.

– Сейчас не время, – отрезал Марк.

– Мы ждем звонка. И уходить просто так не намерены, – добавил Александр. В его голосе звенела решимость.

– Что за звонок? От кого? – вопрос сорвался с губ, полный невысказанной обиды. Я чувствовала, как клубок обмана сжимается вокруг меня, лишая кислорода. Они мне что-то недоговаривали.

– Это долгая история, – Марк ответил быстро, и казалось искренне, – история о том, что нас привело сюда.

– Сейчас нам нужна полная тишина, – эхом отозвался Александр, – и время. А еще понять, что известно Анжелике.

– Она ничего не знает, – отрезал Марк, – иначе бы нас не поджидали там, уже бы пришли. Они контролируют пути отхода. Вопрос лишь в том, кто кого переиграет. Пока Глеб не начнет игру, сидим и ждем.

– Глеб? Кто это? – я вцепилась в незнакомое имя.

– Мой друг... и компаньон, – в голосе Марка промелькнула тень гордости. – Он был далеко отсюда, когда все это началось. Пришлось возвращаться.

Я знала, они правы. Бежать вслепую – безумие. Нужно стоять насмерть, встретить врага, вооружившись разумом и хитростью. Но как? У меня не было ни опыта, ни связей, ни чертового пистолета... лишь отчаянное, первобытное желание выжить и защитить этих безумцев, ставших родными.

– Хорошо, – проговорила я, отпуская напряжение. – Тогда я займусь борщом.

– Я помогу тебе, – внезапно произнес Марк.

– Я тоже, – тут же выпалил Александр.

И пока один сосредоточенно крошил капусту, я методично резала картофель, украдкой наблюдая за их лицами. Марк водрузил кастрюлю с мясом на плиту и, охваченный неожиданным кулинарным порывом, колдовал над свеклой на сковороде, то и дело осыпая сзади мою шею невесомыми поцелуями. Наша борьба за выживание обернулась причудливой имитацией на домашний уют, хрупким бастионом нормальности в преддверии хаоса. Игрой, невыносимо раздражающей Александра, но безумно заводящей меня. Марк не просто кружил рядом, он будто невзначай касался моей талии, шептал сладости на ухо, и от этого по телу разливалось тепло.

Через несколько часов густой аромат борща вытеснил из дома запах тревоги. Внезапно меня скрутил зверский голод. Я поняла, что толком не ела со вчерашнего дня. Когда борщ настоялся, мы тесно уселись за стол. Ели молча, сосредоточенно, каждый был как потерянный в лабиринтах собственных мыслей.

После сытного обед Марк и Александр включили телевизор и углубились в карточную игру. Я уселась на подоконник, наблюдая за тем, как сгущаются сумерки. В поселке зажглись редкие огни, превращая его в подобие созвездия, отражающегося в черном зеркале ночи. Внутри меня бушевал ураган противоречивых чувств. Страх за их жизни, злость на то, что меня держат в неведении, и странное, навязчивое чувство вины. Будто я каким-то образом причастна ко всему этому безумию.

Внезапно прогремел телефонный звонок. Резкий, оглушительный, будто выстрел в тишине. Марк и Александр замерли, как по команде. Марк подхватил трубку. Лицо его окаменело, взгляд стал острым и непроницаемым. Звучали короткие фразы, обрывки слов – «Да... Понял... Будем...», которые лишь усиливали мою тревогу. Закончив разговор, он бросил на меня быстрый взгляд.

– В больнице умер отец. Глеб прибыл в страну, – глухо произнес Марк. – Наши люди будут здесь завтра к вечеру. Ждем и готовимся.

– К чему? – вырвалось у меня.

– К войне, – сухо ответил Александр. – К войне, которую мы должны выиграть.

В этот момент я поняла, что обратного пути нет. Что я – часть этой истории, и теперь моя жизнь зависит от того, как закончится эта безумная игра. Александр протянул мне пистолет. Холодный металл обжег ладонь.

– Просто держи его при себе, – уверенно сказал он. – И если что... стреляй. Без колебаний.

Я кивнула, ощущая, как в моих венах застывает лед.

ГЛАВА 11

Спать не получалось, и под подушкой впервые в жизни лежал пистолет. Ну, как в кино. И, казалось, так безопаснее. В нашей ситуации, когда стало известно что округу отрезали бандиты, это придавало призрачную, но все же уверенность в завтрашнем дне. Я сидела в кресле, глядя в окно на зубчатые, заснеженные пики гор. Ночь обволакивала все своим глубоким, молчаливым мраком.

Вдруг дверь в комнату бесшумно приоткрылась, показывая мне в темном проеме силуэт Марка. Его спокойный взгляд искал меня в кровати. Но я постаралась создать убедительную иллюзию спящей фигуры. Набила под одеяло пледы и все, что нашла в шкафу. Сама же, затаившись в другом углу комнаты, молча наблюдала за его действиями.

Марк, обходя кровать, осторожно опустился на край, обманутый моей «куклой». Повел, что я сплю. Он медленно провел рукой по одеялу, словно лаская меня во сне. Я затаила дыхание, стараясь не издать ни звука. Сердце замерло, выбивая странный ритм тревоги и озорства в груди. Что он шепчет? Слова терялись в тишине ночи, но тон звучал мягко и ласково.

Внезапно он резко сорвал одеяло. Моя уловка рухнула, пледы с глухим звуком посыпались на пол. Марк отпрянул, ошеломленно оглядываясь. Его глаза встретились с моими. На мгновение я увидела в них растерянность, но она тут же сменилась хищным азартом.

– А ты занятная барышня, – тихо произнес он. – Почему не спишь?

– Интересно, как в такой обстановке вообще можно спать, – ответила, стараясь говорить как можно спокойнее. – Что тебе нужно, Марк? Зачем пришел? Сашку позлить?

Он сделал шаг ко мне, но я осталась неподвижно сидеть в кресле, лишь подтянула ноги к груди, свернувшись в комок.

– Хотел убедиться, что с тобой все в порядке, – произнес он с напускной непринужденностью.

Но я чувствовала напряжение в его плечах. Видела прямой, изучающий взгляд его глаз. Он подошел и присел на пол у моего кресла, устремив взор в ночь за окном.

– Мне жаль, что мы втянули тебя в эту историю, – прошептал Марк.

Я молчала, задумчиво глядя на освещенный лунным светом мужской профиль. В его голосе звучала искренность, но полностью доверять я не могла.

– Ты думаешь, я в это поверю? – съязвила, стараясь скрыть свое волнение. – Хорошо, смотри. Вы могли отправить меня из поселка. Даже при досмотре бандиты бы пропустили. Им нужна не я. И второе. Вы могли спрятаться в любом номере или домике горнолыжного курорта. Потому что я знаю, кто твой брат Сашка. Этот комплекс поблизости принадлежит вашей семье. Вы – Морозовы!

– Давно знаешь? – с интересом спросил он.

– С первых суток вашего появления здесь, – дерзко ответила я.

Он повернулся ко мне, и я увидела в его глазах странную радость.

– Значит, ты отказывала нам обоим, зная, кто мы? – тихо спросил он.

– При чем тут это? Просто не считаю нормальным для себя развлекаться одновременно с двумя мужчинами, – задумчиво ответила я, глядя в окно.

Его неподдельное удивление поразило меня. Словно я открыла Америку или в шкафу обнаружился скелет. Мы превратились в странное общество. То, что раньше казалось нелепым, вдруг стало нормой. А то, что было нормой, удивляет, как живой динозавр. Я не ханжа и не осуждаю тех, кто выбирает развлечения на троих, но мне самой это было чуждо. Я боялась не боли, не чего-то необычного, и даже не замараться морально. Просто не могла делить себя между несколькими мужчинами. Наверное, поэтому так легко дала развод мужу, поняв, что я для него не единственная. Это не закомплексованность. Думаю, я просто настолько цельная

личность и самодостаточна, что мне интереснее с самой собой, чем раздавать себя всем желающим.

– Когда ты вышла замуж? Сколько тебе было лет? – с интересом спросил Марк.

– Двадцать, – констатировала я.

– Где вы познакомились? – он продолжил допрос.

– В День студента. Потом несколько лет встречались. На последнем курсе поженились.

Он был моим первым и единственным мужчиной. Но предал... – тихо проговорила я.

– Жалеешь? – холодно спросил Марк.

– Нет, – коротко ответила я.

– Обычно женщины жалеют себя и говорят про потраченные впустую годы молодости, – уточнил он.

– А какая разница годы молодости или зрелости, когда сталкиваешься с предательством?

Суть то в самом человеке. Молодость дается для опыта, а зрелость для мудрости, – закончила я фразу. – Если человек дурак, то хоть в молодости, хоть в зрелости – это диагноз. А у меня сейчас положение еще выгоднее.

– Это как? – отозвался Марк.

– Я на границе одного с другим, – улыбнувшись пояснила я.

Марк усмехнулся, и в его глазах мелькнуло восхищение. Он молчал, всматриваясь в мое лицо, будто пытаясь разгадать какую-то загадку. Тишина в комнате стала почти осязаемой, нарушаемая лишь тихим тиканьем часов на стене. Этот звук казался странно успокаивающим в сложившейся обстановке.

– Ты необычная, – наконец произнес он. – Я встречал много женщин, но таких как ты – никогда.

Я пожалала плечами, не зная, что ответить. Compliments, особенно в такой ситуации, казались неуместными. В голове крутился целый рой вопросов, но я боялась их задавать. Боялась услышать ответы, которые могли разрушить хрупкую иллюзию доверия, возникшую между нами.

– И часто вы с братом делите женщин? – ровно спросила я, стараясь не выдать ни капли любопытства.

Он медленно поднялся с пола. Лунный свет, проникающий сквозь окно, выхватил из темноты его силуэт, окутав его пеленой таинственности и отчуждения. Долго, мучительно долго он смотрел в черное полотно ночи, словно пытаясь разглядеть там ответы, ускользающие от него в реальном мире. Наконец, повернулся, и в его голосе сквозила какая-то надломленность.

– Раньше баловались, – неохотно признался Марк. – Отец всегда твердил, несмотря на то что мы с Сашкой росли порознь, что нам нечего делить. Что все у нас общее.

– Интересный подход, – задумчиво протянула я. – В моей семье было трое детей, и родители всегда подчеркивали нашу индивидуальность, при этом напоминая, что вместе мы – единое целое. У каждого была своя одежда, свои увлечения, свои друзья... Все, что определялось личным выбором. Мама даже готовила разные блюда, зная предпочтения каждого.

Марк молчал, погруженный в собственные мысли. Казалось, он замер, словно пытался что-то взвесить, с чем-то сравнить. Затем, неожиданно тяжело выдохнув, и произнес:

– Отец ушел, когда мне было три. Ушел к другой женщине, где родился Сашка. Я рос без него. А потом, когда мне было лет девять, он вдруг появился. Они как-то договорились с мамой. Он купил нам квартиру и стал оплачивать мою учебу. Я много времени проводил в его доме и знал о существовании любовницы, родившей дочь. Он признал Анжелику и женился на ее матери. В итоге мы с Сашкой оба оказались обделены отцовским вниманием. Все свое время он посвящал дочери, называл ее принцессой, баловал до безумия. Она почти не общалась с нами. Ее мать была против. А мы с Сашкой сдружились, научились поддерживать друг

друга. Надо отдать ему должное, когда мы поступили в университеты, отец нас притянул к себе. Впоследствии даже помог встать на ноги.

– А почему про тебя ничего не известно? Почему всегда на виду твой брат? – спросила я.

– У любой медали две стороны, как и у любого бизнеса. Я – темная сторона отцовских дел, а Сашка – обложка, – с горечью пояснил Марк.

Я вздрогнула, осознав масштаб услышанного. Марк, скрытая тень. Серый кардинал империи Морозовых. Он был тем, кто дергал за ниточки, принимал сложные решения, брал на себя грязь, пока Сашка блистал в свете софитов. Горькая ирония судьбы. Два брата, связанные кровью и общим прошлым, но такие разные и с такими разными ролями в жизни.

– И ты согласен с этим? – тихо спросила я, стараясь скрыть удивление.

– Выбора особого не было, – хрипло ответил Марк. – Да и, если честно, мне это даже нравилось. Власть, но без лишнего внимания. Возможность влиять на события, оставаясь в тени. Это как играть, но никому не показывая своих карт.

Он замолчал, словно вновь погрузившись в прошлое. Я чувствовала, как между нами нарастает напряжение. Воздух словно загустел, наполняясь невысказанными вопросами и опасениями.

– Но сейчас все изменилось, не так ли? – произнесла я, нарушая молчание. – Бандиты, блокада, война, смерть отца... Теперь тебе придется выйти из тени.

Марк медленно повернулся ко мне. В его глазах я увидела отблеск стали. Он больше не был тем уставшим мужчиной. Передо мной стоял хищник, готовый сражаться за свою территорию.

– Придется, – подтвердил он. – И я сделаю все, чтобы защитить то, что принадлежит мне. Даже если для этого понадобится переступить через собственные принципы.

– А почему вы не спрятались в своем горнолыжном комплексе? – с интересом спросила я.

– Там все как на ладони у Анжелики и ее любовника. Здесь же – частный сектор. Ей не позволено вторгаться в каждый дом, выискивая нас. К тому же, поселков в округе много, и она не знает, в каком именно мы затерялись, и здесь ли вообще, – хмуро ответил Марк. – Но завтра все решится.

Долгая тишина накрыла нас, каждый утонул в омуте собственных мыслей. Вдруг Марк резко поднялся, словно приняв некое важное решение, подошел и, подхватив меня на руки прямо с кресла, понес к кровати. Я замерла, предчувствуя его намерение, ожидая, когда же оно оформится в ясность.

Марк поставил меня на пол перед кроватью и принялся медленно раздевать, осыпая поцелуями каждый освобождающийся от ткани участок кожи. Он делал это с трепетной нежностью и завораживающей неспешностью, словно колдуя, не отводя взгляда от моих глаз после каждого поцелуя, будто спрашивая безмолвное разрешение на новое признание.

– Ты хочешь проблем с братом? – мои слова прозвучали как последний, робкий рубеж обороны.

– Он обходит окрестности, изучая их посты, – выдохнул Марк. Его голос звучал, как приглушенная бархатная тень. – Мы одни в доме. Да и он смирится. У него нет другого выхода. Я тебя никому не отдам, даже если ты сама захочешь уйти.

В его тоне сквозила боязнь спугнуть тишину, разрушить хрупкое волшебство, сотканное между нами. Мужские губы коснулись моей шеи, руки, лаская каждый миллиметр кожи. Весь мир сузился до этих прикосновений. Глаза закрылись сами собой, доверяясь его воле, отдаваясь на откуп чувствам. Разум отступил, предостережения растворились в потоке нарастающей нежности, в этой опасной игре. Больше не было даже тени сомнения, и он уже не казался посланником иного, враждебного мне мира. Передо мной был мужчина, чье желание обжигало, чья потребность во мне была столь первобытной, что любое сопротивление казалось бессмысленным. Завтрашний день мог стать призраком смерти, маячившей на горизонте, поэтому

обнажал инстинкты, заставляя ценить каждое мгновение. Жизнь, висящая на волоске, смотрелась иначе, острее.

Марк коснулся моей щеки, заставляя поднять взгляд. В глубине его глаз плескалась нежность, вперемишку с диким, почти мальчишеским восторгом. Поцелуй – долгий, тягучий, как затягивающая в себя воронка, – ворвался в мою реальность. Я ответила жадно, не сдерживаясь, вкладывая в этот порыв всю бурю своих эмоций, что клокотала внутри. Мир сжался до границ этой комнаты, до тепла его рук, до головокружительного запаха его кожи. Я стала как хрупкая ваза, покоящаяся в сильных, но бережных руках, в руках, боящихся разбить. Этот контраст – между его звериной силой и ангельской нежностью – будоражил кровь, топил в безумии.

Он отстранился на долю секунды, всматриваясь в мои глаза. И в этот миг я поняла – черта перейдена. Сомнений больше нет, страх – лишь отголосок прошлого. Осталось только всепоглощающее желание быть с ним, здесь, сейчас, в этой комнате, в этом моменте. Он притянул меня к себе, и, сплетаясь в объятиях, мы рухнули на кровать, словно уступая напору стихии.

Движением отточенным и быстрым мускулистые руки скинули с нас одежду. Кровь ударила в виски, забила пульсом, затягиваясь в пружину внизу живота, и я уже не сопротивлялась этой животной реакции своего тела на Марка. Я смотрела в его глаза – из ледяных они стали морской бездной, потемнев от желания. Мужская притягательность обернулась хищной собственностью. Он сминал мое тело сильными руками, вызывая мелкую дрожь. Страсть ли это? Нет. Это не было просто страстью или желанием – это был первобытный инстинкт, потребность слиться в одно целое именно с ним, именно сейчас.

Когда он вошел в меня всей своей твердостью, заполняя собой, из моей груди вырвался стон такой силы, что мне показалось, я зверь, пробужденный ото сна. Под его руками и губами я таяла, растекаясь по простыни, и только мои пальцы, впившиеся в его плечи, удерживали меня в этой реальности.

– Мааарк... – прошептала, наверное, едва слышно.

– Как ты хочешь? Скажи... – выдохнул он в ответ, не прекращая медленных, раскачивающихся движений, растягивая во времени немыслимое удовольствие, словно играя с огнем.

Я прикусила губу, стараясь сдержать рвущиеся наружу стоны, но это было выше моих сил. Его движения становились все более настойчивыми, и волна неистового наслаждения накрыла меня с головой. Я потеряла контроль, не сопротивляясь, отдавшись во власть его прикосновений. Каждое его движение, каждое касание обжигало мою кожу, заставляя падать в бездну, все глубже – в звездную, головокружительную пучину.

– Сильнее... – выдохнула я, не в силах больше сдерживать свои чувства, утопая в этом безумии.

Марк издал тихий, звериный рык, и его движения стали рваными, страстными, дикими. Мир перестал существовать. Остались только мы – два тела, сплетенные воедино в отчаянном порыве, в сумасшедшей попытке забыть о завтрашнем дне, о нависшей опасности, обо всем, что ждало нас за стенами этого дома. Я почувствовала, как приближается пик, как каждая клеточка моего тела пульсирует в унисон с его движениями, бешено барабанит в такт. И вот, когда казалось, что больше нет сил терпеть, нас накрыла волна оргазма, выплеснув все напряжение, накопившиеся за последние дни. Марк содрогнулся, издал протяжный хрип, и мы замерли, тяжело дыша, не в силах оторваться друг от друга, словно два измученных путника, достигшие желанного приюта.

Я лежала, прижавшись к его груди, слушая, как бешено колотится его сердце, и чувствовала себя в безопасности, как никогда прежде, зная, что это лишь миг.

– Моя... – прошептал Марк, вдавливая в себя мое обессиленное тело, словно тряпичную куклу, навсегда впечатывая в себя.

После бурной ночи Марк молча лежал рядом, крепко обнимая меня. Внезапное умиротворение витало в воздухе. Все тревоги и страхи отступили, оставив после себя лишь тепло и

зыбкое ощущение защищенности. Я понимала, что это лишь иллюзия, хрупкий момент покоя перед надвигающейся бурей. Завтрашний день уже стучится в дверь, и нам придется встретить его во всеоружии, как бы ни хотелось остаться в этой тихой гавани.

ГЛАВА 12

Следующее утро расцвело ярким солнцем, превратив снег за окном в россыпь бриллиантов, манящих на волю. Но вместо свободы, воздух в доме был пропитан напряжением телефонных переговоров, начавшихся еще за завтраком. Обрывки фраз складывались в тревожную картину: подтягивается подкрепление из личной охраны, Марк без умолку обсуждал экономические вопросы с неким Глебом.

Из обрывков фраз я поняла, что империя Морозовых перешла под контроль людей Марка и Глеба, а их сестра органи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.